

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Берегись
свекрови!

ЭКСМО

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Берегись свекрови!

«ЭКСМО»

2010

Калинина Д. А.

Берегись свекрови! / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2010 — (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

Вот живешь в собственной семье, живешь, а потом – бац! – домочадцы срываются с катушек! Так думает Леночка, молодая симпатичная женщина, увы – страдающая амнезией после аварии. Только вчера муж был заботливым и любящим, а сегодня душой обозвал. А Леночкина мама, самый близкий человек, узнав о смерти племянника Севы, вдруг все бросила и зачем-то помчалась в другой город... и тоже обидела при этом дочку. Нет, самой Леночке, да еще с ее амнезией, никак не разобраться. Надо попросить помощи у Мариши – талантливой сыщицы, к счастью живущей в их доме! Мариша берется за дело всерьез, тем более что тело Севы немислимым образом пропало!..

© Калинина Д. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Калинина

Берегись свекрови

Глава 1

Утро для Леонтии началось с ее ежедневного ритуала, ставшего уже привычным за эти годы. Подъем детей и обязательное умывание их прохладной водой. Муж настаивал на том, что дети должны закаляться. И Леонтия, никогда открыто старавшаяся не перечить мужу, послушно обливала детей прохладной водой из душа. Старший Мишенька к процедуре относился с пониманием. Зато младшая девочка – Грушенька – откровенно возмущалась и вырывалась из маминых рук. В результате душ приняли все трое. Потом они переоделись, перевели дух и пошли завтракать.

На завтрак Леонтия сварила овсянку. Муж требовал, чтобы дети питались правильно. И непереносимым условием правильного питания он считал кашу по утрам. Желательно, овсяную. Не дробленую, больше известную в народе под странным названием «Геркулес», а овсянку правильную, настоящую, из цельного, желательно, пророщенного зерна. Против молока, сахара и масла, в качестве добавок в кашу для умягчения ее не слишком приятного вкуса, муж не возражал. Но даже эти вкусные вещи не могли до конца исправить положение дел с овсянкой из цельного зерна.

Сама Леонтия с куда большим удовольствием сделала бы себе и детям омлет или пожарила бы яичницу с помидорами и колбаской. Овсянку она откровенно не любила, но послушно давилась ненавистной кашей, изображая на лице бурный восторг.

Но сегодня «театра» не получалось. Грушенька упорно не верила, что каша вкусная, и отказывалась ее есть. Ее маленький, крепко сжатый ротик не открывался ни под каким видом. Ни уговоры, ни сказки, ни пляски и танцы не помогали. Миша, как старший и наиболее организованный, уже с горем пополам проглотил свою кашу и теперь колотил в барабан и даже бился – в качестве увеселительной программы для сестрицы – головой о дверцу холодильника, так что тряслись цветы и дрожали искусственные мухи и бабочки, прикрепленные на дверце на магнитах.

Ничего не помогало. Грушенька мотала головой, ловко уклоняясь от ложки с ненавистной кашей. В итоге ей пришлось снова мыться, а каша так и осталась наполовину не съеденной. Сама Леонтия после завтрака чувствовала себя выжатой, словно старый лимон. А ведь ей еще предстояло приготовить обед на сегодняшний день! Муж Леонтии требовал, чтобы еда была свежая и каждый день новая.

– Дорогая, разве ты не знаешь, что витамины гибнут в первые же часы после приготовления пищи? А для наших детей все должно быть только самым лучшим и натуральным. Есть нужно только свежесваренный суп! Овощи в меню должны быть каждый день. И их тоже следует готовить непосредственно перед подачей на стол.

Все робкие возражения Леонтии о вкусных наваристых борщах, которые, пока не настоятся пару часов, не обретут свой настоящий вкус, а также об исконно русской еде – «суточных» щах, которые полагалось есть вообще только на другой день, муж и слушать не хотел.

– Все это от темноты и необразованности, и от бескультуры! Учись у тибетских монахов! Те вообще могут обходиться в день одной рисовой лепешкой.

Но до такой степени просветления Леонтия еще не дошла. И вообще, она любила покушать вкусно. Однако с двумя детьми ей, по большей части, приходилось доедать остатки за ними. Ну, не выбрасывать же еду, в самом-то деле! Воспитанная экономной мамой, Леонтия не могла видеть, как выкидывают еще хорошую пищу в мусоропровод.

Потом они гуляли, потом обедали, а после обеда, с трудом запихнув детей в кровати, Леонтия почувствовала, что она умирает. Поспать бы часочек, прикорнув рядом с детишками! Но нет – нельзя, нельзя. Нужно трудиться. У нее уйма дел. Впереди еще непочатый фронт работы. А времени на нее остается так мало!

Леонтия была портнихой. И очень неплохой портнихой. Она и сама это знала, и другие много раз ей это говорили. В свое время у них в Доме моды она считалась одной из лучших. А сейчас, оставшись дома с двумя детьми и работая уже на себя, она сама разрабатывала выкройки и могла сшить платье не по готовым трафаретам, а по фантазии заказчицы. Просто предлагала ей несколько эскизов, а потом делала по ним выкройки и сама же шила платье.

Такой труд оплачивался, по мнению Леонтии, очень хорошо. Заказчицы ценили то, что их платье окажется в единственном варианте. И хотя Леонтия понимала, что она не берет с заказчиц и десятой части того, что они заплатили бы за аналогичную работу в Доме моды, но она не роптала. Все равно когда она шила частным образом, то зарабатывала куда больше, чем трудясь в Доме моды на законных основаниях.

Да, все бы вроде неплохо. И денег можно было бы зарабатывать больше. Вот только время! Времени ей катастрофически не хватало! Прошивая строчку, Леонтия прислушалась. Вроде бы Грушенька проснулась? Ах, как не вовремя! Леонтии стоило большого труда вытащить запрятанную от детей машинку, расчехлить ее и наладить. А теперь придется все сворачивать. Грушенька не даст ей поработать. Будет виться рядом, ныть и дергать из-под «лапки» материал или нитки.

Со вздохом Леонтия прибрала все на рабочем столе, чтобы дети не могли стянуть вниз ножницы или подушечку с булавками, или что-то столь же опасное. А ведь клиентка собиралась прийти за готовым платьем уже завтра! А там работы еще целая уйма! Леонтия очень не любила задерживать заказы. Может быть, муж вернется сегодня домой пораньше? Хоть бы пришел!

И, словно почувствовав, что она о нем думает, муж позвонил.

– Привет, солнышко! – весело пропел он в трубку. – Как ты? Как наши детишки?

Как всегда, от звука его голоса у Леонтии поднялось настроение.

– Отлично! У нас все отлично. Только я очень уж сегодня устала. Дети капризничают, а мне заказ сдавать.

Но муж услышал лишь первую половину ее торопливых фраз.

– Значит, все отлично? – повторил он. – Очень рад. Кстати, дорогая, я сегодня задержусь немного.

Сердце у Леонтии так и упало.

– Задержишься? – убитым голосом пробормотала она. – Надолго?

– Ну, часика на два или на три.

– На три?!

– Только не надо делать из этого трагедию! – тут же возмутился муж. – Что, я часто куда-то хожу? Посмотри на других мужчин! Они не сидят дома, как я!

Леонтия очень не любила, когда на нее кричат. Стоило человеку повесить на нее голос, как она тут же скукоживалась и уступала. Что угодно, как угодно, только бы на нее не кричали! Она все вынесет, только бы муж был ею доволен и любил бы ее.

– Хорошо, мы будем тебя ждать, – упавшим голосом произнесла она.

Мужу уже третий месяц не выплачивали зарплату, и она так надеялась на деньги заказчицы! Деньги были нужны позарез! У Миши прохудились ботинки. А Грушеньке пришла пора покупать курточку. В чем дети будут ходить наступающей весной, если мужу и дальше будут задерживать деньги?

У Леонтии была надежда, что дети лягут спать пораньше. И она сможет посидеть до двенадцати, до часу ночи, но все же закончит наконец платье заказчицы. Но все пошло кувырком.

Сначала Грушенька поскользнулась на кафельной плитке, ушиблась и рыдала по этому поводу целый час. Потом Миша разлил воду, рисуя акварель. Вода моментально впиталась в палас. И Леонтия потратила много времени, приводя ковровое покрытие в порядок.

За это время Грушенька умудрилась своими цепкими пальчиками справиться с задвижкой на дверце в кухонном шкафчике. Пока мать чистила ковер, девочка повеселилась всласть! Весь пол в кухне был засыпан сахаром, манной крупой, гречкой и той самой овсянкой, которую так любил муж Леонтии. Спасать тут было нечего. И Леонтия просто смела все в ведро. Теперь нужно было идти за продуктами, иначе с чем завтра варить на завтрак кашу? А это значит, снова одеваться всем троим, спускаться с коляской и тащиться в магазин.

И все же Леонтия совершила этот подвиг. Вот уже и вечер. Ужин – и спать. Скорей бы спать! Но, как на грех, спать хотелось одной Леонтии. Оба ее ребенка капризничали, но совершенно не желали ложиться. Понимая, что сегодня она уже вряд ли сможет поработать, Леонтия надеялась, что муж все же придет, и они лягут пораньше. А завтра... Завтра она встанет часиков в шесть. И до девяти или десяти сумеет закончить (или почти закончить) платье.

Муж задержался больше чем на три часа. Обычно он возвращался с работы в шесть вечера. А сегодня пришел к половине двенадцатого. Леонтия уже семь раз позвонила ему на трубку, умоляя мужа прийти домой и хоть чуть-чуть помочь ей. Но тот все не шел. Леонтия уже почти плакала, когда он все же появился.

Настроение у Леонтии, которое и так было на нуле, упало еще ниже, едва она увидела своего мужа. Супруг был хоть и не пьян, но и не трезв. Весел же он был необычайно.

– Ну, как вы тут поживаете? – спросил он, проходя в дом и мимоходом целуя падающую от усталости Леонтию и одновременно сбрасывая ей на руки свое пальто и шарф.

Пока Леонтия устраивала вещи в шкаф, ей показалось, что левый карман его пальто как-то подозрительно оттопыривается.

«Наверное, шоколадка, – решила Леонтия. – Мне или детям. Или другой подарочек».

Спрятанная в кармане вещица была мягкой. И Леонтия решила, что, раз уж муж принес ее домой, значит, это точно для нее или для детей. И она имеет право посмотреть, что там такое. Леонтия сунула руку в карман пальто мужа. Пальцы ее нащупали нечто тонкое и шелковистое. Она потянула и вытащила наружу женские шелковые трусики красного цвета.

Какое-то время Леонтия молча смотрела на этот лоскуток шелка, не веря своим глазам. Трусы никак не могли быть подарком! И не потому, что они были без упаковки. Трусы уже явно побывали в употреблении. И пятна на них были совсем свежими.

С изменившимся лицом Леонтия стояла в коридоре, не замечая дувшего по ее ногам холодного воздуха из подъезда, не слыша голосов детей и смеха своего мужа. Все эти звуки заглушал бешеный ток крови в ее голове. Рука Леонтии разжалась, и предательские трусики выпали из ее безжизненных пальцев на пол. На их пол, который Леонтия столько раз драила и чистила, стремясь добиться от мужа хотя бы легкой похвалы. И вот теперь он принес в их дом... грязь! И ее уж точно не отмыть и не отдраить – никакими средствами.

С ужасом и отвращением смотрела Леонтия на кусочек ткани, который опошил все, ради чего она жила все эти годы. Негодай! Что он может ей сказать в свое оправдание? Будет врать, что трусы ему сунули в общественном транспорте? Или в такси?

Сама не очень понимая, что она делает, Леонтия схватила с вешалки свою куртку и вылетела за дверь. Разговаривать с мужем сейчас было выше ее сил. В голову, помимо ее воли, лезли всякие мысли. Вот она и муж идут на день рождения к его другу. И одна девушка – молодая и очень симпатичная, с длинными, распущенными по плечам светлыми волосами, еще не видя замешкавшейся на лестничной клетке Леонтии, кидается вдруг на шею ее супругу, восклицая:

– Ты все-таки пришел один! Без своей жирной мымы!

И изумленно замирает с открытым ртом при виде появившейся на пороге Леонтии.

А вот другой случай... Они вдвоем с мужем идут в магазин, где продавщица, пока Леонтия выбирает помидоры получше, обменивается с ним весьма фривольными шуточками. А вот муж смотрит на проходящую мимо девушку в коротеньких шортиках, а она в ответ понимающе улыбается одними кончиками губ. А вот...

Да сколько их было, таких ситуаций, когда он заигрывал с другими женщинами! Но Леонтия всегда была твердо уверена, что муж ей верен. Что все эти шуточки и заигрывания ничего не значат. Да, Леонтия была в этом непоколебимо уверена – до сегодняшнего дня. Но сегодняшние красные трусики и, главное, очень веселое настроение супруга начисто смыли ее уверенность, словно цунами.

Найти и подобрать где-то эти трусики муж не мог никак. Он был брезглив и чистолютен. Мысль о том, что трусики можно постирать и потом спокойно носить, просто не могла прийти ему в голову. Да и были они совсем не того размера. Сидя дома, Леонтия изрядно прибавила в весе. Не так уж много, но парочка лишних размерчиков на ее стройных когда-то бедрах все же выросла. А трусики были от силы сорок четвертого размера. И, значит, натянуть их на себя Леонтия не смогла бы ни при каком раскладе.

Все эти мысли бились в голове у Леонтии. Ими она старалась отгородиться от одной самой главной и ужасной, ревливой мысли. Ее муж ей изменяет! У него есть другая женщина! И эта женщина носит красные шелковые трусики. И, наверное, остальной гардероб у нее не уступает этим трусикам. А она?.. А что же сама Леонтия? Когда она в последний раз была у парикмахера? А новые вещи себе она когда покупала?

Да, кажется, она покупала пару месяцев тому назад джинсы, потому что старые совершенно развалились. И еще кроссовки, потому что в них так удобно гулять с детьми. Но шелкового нижнего белья у Леонтии не было. Когда-то было, а теперь – не было. Не до шелкового белья ей как-то было... Она и кроссовки-то с трудом себе купила. На одной руке у нее висела Грушенька, а Мишка бегал по магазину и хватал всю обувь подряд, вызывая сердитые окрики продавщиц.

Чтобы не нервировать женщин, Леонтия схватила первые подходящие ей по размеру кроссовки. Они оказались не очень удачными. Сразу же натерли пятку. Но все равно это лучше, чем ходить с мокрыми ногами.

А ведь Леонтия прилично зарабатывала своими платьями. Так куда же девались эти все деньги? Ну, ясно! Деньги уходили на детей. Муж приносил зарплату, и даже неплохую, по нынешним меркам. Но потом он каждый день брал из ящичка по пятьсот рублей, а чаще – по тысяче. На бензин, на обед, на сигареты... Вот и получалось, что все деньги, которые он зарабатывал, он сам же потом и забирал. А в последнее время он и брал больше, чем приносил в дом.

Раньше Леонтия об этом как-то не задумывалась. Нужны мужу деньги, значит, пусть берет. Но теперь она вдруг подумала, что это не очень справедливо. Выходит, все эти годы она кормила себя и своих детей сама? Да еще и мужу подкидывала деньжат? И при этом еще и готовила обеды, стирала и гладила его рубашки и брюки, чистила его ботинки и... Да всего и не упомнишь! И что же? Он из чувства благодарности завел любовницу? Женщину, которая его не обихаживала, как жена, не давала ему денег, но которая дарила ему совсем другую радость?

Леонтия не знала, что ей делать дальше. Конечно, она во всем виновата сама! Растолстела, перестала тщательно следить за собой, вечно она такая усталая, с чередой заказчиц и с ноющими детьми рядом. От такого зрелища к женщине пропадет интерес даже у самого любвеобильного мужчины. Конечно, ее мужу захотелось кого-то помоложе и посимпатичней! Как она могла быть такой душой? Надо было... Нет, наоборот, не надо было...

Что ей «было надо» или «не надо», Леонтия четко сформулировать так и не смогла. Не надо было работать? Следовало больше времени посвящать уходу за собой? Но где бы

она тогда взяла деньги, чтобы кормить детей? Или, наоборот, требовалось лучше следить за собой? Но где ей взять время? Надо было...

И неожиданно в голове у Леонтии сверкнула мысль – надо давно было прогнать этого подлеца и мерзавца прочь! Тогда и работы у нее стало бы гораздо меньше. И Леонтия могла бы уделять себе чуть больше времени. Но зачем? Для кого ей это было бы делать? Если рядом не окажется любимого мужа, то зачем ей вообще жить?

И когда эта мысль появилась в голове у женщины, перед ней внезапно загудело что-то огромное. Свет ослепил ее. И Леонтия сначала почувствовала сильный удар, а потом вокруг вдруг стало очень и очень темно.

– Вот так, все само собой и решилось! – только и успела подумать Леонтия, уже понимая, что она умирает.

Ужасно было ей жалко маленькую Грушеньку, которая так и не узнает толком свою маму. Леонтия останется в ее памяти лишь вечно усталой и задерганной теткой. Мишенька спривится. Он – молодец! И он всегда был ближе к отцу. Да, муж! Вот он-то лишь обрадуется тому, что жена его отбросила тапки. Приведет в дом свою новую красотку. А детей отправит к своей матери!

Что же, свекровь у нее женщина хотя и простая, но хорошая. К Леонтии она всегда относилась неплохо, чем могла, всегда ей помогала. Детям у нее будет хорошо.

И Леонтия, закрыв глаза, смиренно направилась куда-то вверх, не слыша криков о помощи, раздававшихся рядом с ней.

* * *

В этот первый весенний день природа подарила людям такую хорошую погоду, такое яркое солнышко и такой прозрачный воздух, что Мариша решила выйти на улицу в своей новенькой курточке. Курточка была коротенькая, до талии. И была она сшита из меха неизвестного животного, в светло-бежевых и ярко-черных полосах. Издалека казалось, что это шкура тигрицы. И Мариша воображала себя именно этакой тигрицей – опасной и чуточку загадочной. А на воротнике топорщились перышки, колыхавшиеся на ходу и придававшие Марише еще более задорный вид.

– Прелесть! – шептала Мариша своему отражению в зеркале. – Я просто прелесть. Сказка, а не женщина! Такой женщины не было и больше уже никогда не будет. Мне просто фантастично повезло, что эта женщина – именно я!

И, послав своему отражению последний поцелуй, Мариша выскользнула на улицу. Как чудесно! Воздух чистый! Солнце светит! Еще не жарко, но уже и не жуткий холод. В самый раз нацепить свою обновку, от которой, по правде сказать, тепла нет никакого. Но ведь на улице так замечательно! Снег еще не успел растаять, лежит чистый и белый, но уже чувствуется, что пришел его последний час. И скоро по улицам побегут ручьи, на деревьях распустятся почки, прилетят птицы, зацветут цветы!

И тут взгляд Мариши упал на детскую площадку, которую недавно построил у них во дворе муниципалитет. Площадка была тоже яркой и красочной. Красные, синие и желтые дощечки, тщательно обструганные и отшлифованные, переплетались в веселом узоре, образуя перильца и страхуя детишек от падений.

Малышам из их дома и всех соседских домов эта площадка сразу же пришлась по душе. Они стекались к ней со всех сторон. И с утра до позднего вечера, если погода была сносной, на площадке крутилось множество малышей.

Вообще-то Мариша не часто подходила к детишкам. Она их любила, но, не имея своих собственных детей, а также достаточного опыта общения с детьми, предпочитала любить малышей как бы на расстоянии. Но сейчас она увидела Леночку, свою новую соседку из сорок чет-

вертой квартиры. Леночка была удивительно приятная и милая молодая женщина. Она никогда и ни про кого не говорила худого слова. Но тем не менее ее сплетни были всегда захватывающе интересны.

Вот и сейчас, увидев Леночку, приветливо махавшую ей с площадки, Мариша решила немного изменить свой маршрут и подсела к приятельнице.

– Как дела? Куда идешь? – весело спросила Леночка. – Вижу, ты в новом наряде!

– Нравится?

– Ты в нем великолепно! Я прямо начинаю тебе завидовать.

– Ты тоже чудесно выглядишь.

– Все на мне старое, – вздохнула Леночка. – А ты куда идешь?

– Прогуляюсь по магазинам. Хочу присмотреть себе обновку на лето.

– Не рановато ли?

– Наоборот! Самое время!

– Фи! – наморщила нос Леночка. – Остатки прошлогодних коллекций раскупать!

– Так ведь со скидкой!

– Вчерашний день!

– Все лето облизывалась на один сарафанчик, – искушала ее Мариша. – А сейчас он выставлен за полцены. Ты можешь себе представить, что я от него откажусь?

– За полцены? Врешь!

– Пятьдесят процентов, и это еще не предел! Скидки до семидесяти процентов!

– Сколько? – мигом изменила свое мнение и тон Леночка. – Это больше чем вполовину?

– Ну так!

– Слушай, я с тобой! – деловито заявила Леночка, больше не колеблясь и не морщась. – Только няне звякну. Если она свободна, пусть спустится, погуляет с ребятишками за меня.

Ребятишек у Леночки было двое. Девочка и мальчик. Наташа и Саша. Пять и два годика. Семья переехала в их дом совсем недавно. И Мариша еще не успела хорошенько познакомиться с ее детьми. Как-то всегда получалось, что они встречались с Леночкой на улице. А на улице дети были слишком заняты игрой, чтобы общаться с какой-то там тетей. «Здрасьте, здрасьте», – и дети снова убежали.

Мариша могла лишь сказать, что сегодня маленькая пятилетняя Наташа усердно учила в песочнице своего братика печь куличики. Дети играли очень увлеченно и, казалось, совсем не нуждались в мамином присутствии.

– Удивительные дети! – с гордостью говорила Леночка, наблюдая за ними. – Уникальные! Каждая мать мечтает о таких детях! Тихие! Послушные! Воспитанные! Не шумят, не ссорятся! Играют дружно. Друг друга во всем поддерживают. Меня обожают. Никаких капризов. Ума не приложу, откуда у меня взялись такие дети?

– Тебя послушать, так дети это не твои, – засмеялась в ответ Мариша, а Леночка, наоборот, нахмурилась.

– А знаешь, – произнесла она, и на ее лбу появилась черточка. – Мне иногда так и кажется.

– Что?

– Что дети – не мои.

– Ну, ты это уж совсем загнула! – засмеялась Мариша еще громче. – С ума-то не сходи! Как это – не твой? Твои и есть! Самые натуральные.

– Ну, не мои они, и все! Не может быть у меня таких детей! Наверное, мне их в роддоме подменили.

– Что?! Сразу двоих? Они у тебя разве близняшки?

– Нет, конечно! В разные годы я их рожала.

– И оба раза их подменили?

– Ну... Оба.

- Это полная ерунда! – заверила Леночку Мариша. – Дети твои, и не мели чепухи!
- К этому времени подросла вызванная Леночкой няня, оставшаяся присматривать за детьми. А Леночка весело вспорхнула с лавочки и помахала своим отпрыскам рукой:
- Пока! Мама идет по магазинам! А с вами остается няня! Слушайте ее! Хорошо?
- Пока, мама! – закричала в ответ девочка. – Мы будем послушными.
- Мальчик помахал совочком:
- Пока, мама! Приходи скорей!
- Леночка повернулась к Марише и восхищенно воскликнула:
- Такие вежливые! Правда, прелесть?
- По-моему, дети все такие. Любят свою маму...
- Что ты! Другие начинают рыдать, если мама уходит. Истерики целые закатывают. К матерям цепляются, одеться им не дают.
- Seriously? Никогда с таким не сталкивалась.
- А мне приходилось, – серьезно ответила Леночка, и на ее лоб снова легла черточка.
- Но Мариша спешила на распродажу. Поэтому она махнула рукой на Леночкино настроение. И поспешила к облюбованному еще с лета сарафанчику.
- Весь день новые приятельницы весело порхали от одного магазинчика к другому.
- Как классно! – то и дело восклицала Леночка. – Сто лет этим не занималась.
- Да будет тебе! Только прошлой осенью ты явилась домой, вся обвешанная пакетами из различных магазинов и бутиков. Муж тебя привозил.
- Я? А ты откуда знаешь?
- Видела тебя в окошко.
- И это была я? Точно? Не кто-то другой?
- Нет. Это была ты.
- Очень странно! Хотя чему я удивляюсь, мне многое в последнее время кажется странным...
- Что именно?
- Взять хотя бы платья в моем гардеробе. Я абсолютно не понимаю, откуда они там могли взяться. Это совершенно не те платья!
- Как – не те?
- Ну, не те, что я могла бы себе купить. Разве что я была в бреду? Но я их не помню! Понимаешь? Не помню ни платьев, ни себя в этот момент.
- Нет, не понимаю. Как же так?
- Не помню, как, где и когда я купила ту или иную вещь!
- Леночка воскликнула это таким отчаянным голосом, что Мариша поспешила ее успокоить:
- Ну и что? Я тоже о многом забываю. Куплю и забуду! Потом найду вещь в шкафу и удивляюсь – как это я могла запомнить, что она у меня есть?
- О многом! А тут – вообще ничего! Ни одной вещицы я не помню. Как будто в момент их покупки у меня наступила острая амнезия.
- Очень странно!
- Вот и я о том же! Послушай, Мариша! – И Леночка буквально подскочила от волнения:
- Мне тут наши соседские девчонки напели, что ты у нас – великий сыщик!
- Брось ты! Какой я сыщик! – отмахнулась Марина.
- Не скромничай! Ты – сыщик! И ты раскрыла множество преступлений. Это ведь правда?
- Ну... Да. В общем-то, тебя не обманули.
- Значит, разгадывать загадки тебе не впервой?
- Ну... Допустим.

– Вот и разгадай мою! – взмолилась Леночка, хватая Маришу за руку. – Иначе я свихнусь! И главное, я боюсь говорить о своих ощущениях близким. Они меня не поймут. Решат, что я схожу с ума! Разволнуются!

– Твои близкие? А разве ты живешь не с мужем и детьми?

– Да. Конечно... Но у нас очень часто бывают моя свекровь и моя мама. А еще мой двоюродный брат, он живет неподалеку, поэтому частенько заходит к нам, чтобы поужинать.

– Приличная у вас толпа по вечерам собирается! – одобрительно заметила Мариша.

– Да! И еще няня! Она хоть и живет в нашем же доме, но часто остается у нас на ночь. У нее нет отдельной комнаты, она живет в детской. Дети всегда под присмотром. И вообще, она считает, что так ей лучше.

– Ну, тебе-то это понятно, – хмыкнула Мариша. – А бабке вряд ли нравится, что дети все время на ней.

– Почему все время? У няни есть два полных выходных. Но когда их ей дать, решаем мы с мужем. И еще два свободных вечера, которые она выбирает по собственному усмотрению.

– Сколько вы ей платите, если не секрет?

– Не секрет. Шестьсот долларов.

Мариша прикинула. Шестьсот долларов – это на сегодняшний день примерно восемнадцать тысяч рублей. Совсем немного, если учесть, что детей двое. И хотя они и ангелы, но кушать, спать и купаться они все равно хотят.

– А твои родственники тебе не помогают с детьми?

– Ты знаешь, очень помогают! – воодушевилась Леночка, но тут же погасла. – Но я не люблю, когда дети надолго остаются с бабушками.

– Почему?

– Они страшно их балуют. И потом Сашенька все время просится на ручки. А Наташенька разбрасывает свои игрушки, рвет книжки, обрывает цветы на клумбах и уверяет, что ей это разрешили бабушки.

– Многие бабушки души не чают в своих внуках.

– Да я бы не сказала, что они так уж привязаны к малышам.

И на лице у Леночки в третий раз за сегодняшний день появилась вертикальная морщинка, пересекающая весь лоб. На этот раз морщинка была такой глубокой, что проигнорировать Мариша ее попросту не могла.

– Тебя что-то тревожит?

– Да! Тревожит! И очень!

– И что?

– Слушай, давай-ка посидим? Например, вон за тем столиком? – неожиданно предложила Леночка, показывая на группу симпатичных беленьких пластиковых стульчиков и столиков, которые скомпоновались возле стойки бара.

Этот кафе-бар организовала администрация торгового комплекса, где «шопились» подружки, чтобы бедные покупатели в погоне за вожаделенной вещицей не попадали бы в голодные обмороки. Мариша инициативу администрации одобряла. Действительно, зачем упускать потенциальных покупателей? Подкрепятся и, глядишь, еще что-нибудь купят!

Но, усевшись за столик, Леночка не стала тратить время на еду. Ограничилась чашкой кофе и пирожным. И, поедая бисквитный тост, покрытый немислимо воздушным кремом с красивой алой вишенкой, она начала рассказывать про свою жизнь.

Все в жизни у Леночки было замечательно и просто чудесно. Дети – золото! Муж – клад! Родственники – шелковые тряпочки, которые нежно сдувают пылинки с Леночки. И даже няня, несмотря на ее внешнюю суровость, явно испытывала к хозяйке теплую привязанность, которая выражалась у нее в виде домашних шерстяных носков и жилеток с очень красивыми узо-

рами, которые няня вязала из собачьей шерсти для своих собственных детей. Но часть их перепала и Леночке.

– Сама няня из деревни. И шерсть ей тоже привозят оттуда. Ее сестра регулярно вычесывает их овчарку. И шерсть отсылает нашей няне.

Носки из собачьей шерсти, да еще ручной вязки, – вещь эксклюзивная и, безусловно, полезная в любом хозяйстве. Но не поведение няни тревожило Леночку. Куда больше ее смущало поведение ее собственного мужа, детей и мамы.

– Про свекровь я и не говорю! Свекровь не может вызывать теплых чувств.

– Не скажи, – тут же возразила ей Мариша. – У меня вот замечательная свекровь.

– Да? И часто ты ее видишь?

– Ну... Два раза видела.

– За месяц?

– Ну... Нет.

– За год?

– М-м... Не совсем.

– А за сколько же времени?

Мариша смутилась окончательно и решила поменять тему.

– Не важно, – сказала она.

Но Леночка заупрямилась.

– Нет, уж ты скажи! Скажи, а то нечестно получается. Когда ты видела свою свекровь в последний раз?

– Пять лет тому назад! – сдалась Мариша. – Но это ничего не значит! Мы регулярно с ней перезваниваемся.

– Она знает русский?

– Нет. Она говорит на австралийском английском.

– А ты?

– А я... А я знаю немецкий.

Леночка запрокинула голову и разразилась громким и немного истеричным хохотом, который, как видела Мариша, привлек к ним внимание всех посетителей кафе.

Глава 2

Закончив хохотать, Леночка смущенно огляделась по сторонам и пробормотала, обращаясь к Марише:

– Я не слишком громко веселилась?

– Ну что ты! – делано возмутилась Мариша. – Разве что самую чуточку.

– Прости, – еще больше смешалась Леночка. – Но если ты узнаешь мою историю, ты поймешь, почему у меня началась истерика.

Мариша удивленно вытаращилась на Леночку. И это истерика? Эти несколько пусть и слишком громких «ха-ха-ха!» – и есть истерика? Леночка никогда не видела настоящей истерики? Или она по своей природе исключительно уравновешенный человек и для нее громкий смех – это уже проявление истеричности?

Но Леночка уже не обращала внимания на окружающих. Она была вся в своих собственных мыслях.

– Мой муж – настоящий ангел, – начала свой рассказ соседка. – Лучшего мужа и придумать себе невозможно. И это не пустые слова, этому есть множество подтверждений.

– Каких, например?

– Например, он регулярно дарит мне цветы. Не по воскресным дням или по праздникам, а когда ему вздумается. И всегда это становится для меня приятной неожиданностью. И цветы он мне всегда дарит живые. Либо покупает у бабушек, возле метро, либо выбирает привозные, но тоже свежие и те, которые потом долго стоят. Как говорится, от чистого сердца.

– Приятная забота.

– И подарки он тоже не скупится мне дарить! То колечко мне принесет. То туфли. А то один раз даже вечернее платье подарил с живой орхидеей! И еще – походы в ресторан!

Мариша задумалась. Наташе уже пять лет. Значит, супруги знакомы и живут вместе как минимум шесть лет. Что же, Леночке можно только позавидовать. Немногие мужчины через шесть лет семейной жизни остаются такими же заботливыми, внимательными и страстными, как и в первые годы или месяцы брака.

И еще Мариша ощутила легкий укол ревности. Ее Смайл дарил ей цветы теперь исключительно в день рождения и на Международный женский день – Восьмое марта, который празднуется почему-то только у нас в стране, да еще на территории бывшего Союза.

Да и что уж там говорить – цветы даже в праздники Мариша получала от мужа далеко не всегда. А ведь в официальном браке они прожили всего лишь... Да, да! Всего лишь три года! И Смайл уже успел остыть к ней! А вот Леночкин супруг не остывает! Честь и хвала ему за это. И позор, жуткий позор Смайлу!

Слушая подругу, рассыпавшуюся в похвалах собственному мужу, Мариша твердо решила, что в этот прилет Смайла из его очередной опасной экспедиции муженька ее ждет солидная взбучка. Почему он перестал делать ей дорогие подарки? А недорогие? А дарить ей цветы? А почему... Список претензий к родному мужу оказался слишком длинным. И Мариша забуксовала уже на первых же десяти пунктах, поняв, что ее супружеская жизнь – это полный крах.

А Леночка продолжала говорить. И постепенно Мариша начала понимать, что не все так радужно в Леночкином королевстве.

– Моя мама приходит к нам каждый день. Она живет неподалеку.

– Так же, как и твой брат?

– Да, Сеня живет еще ближе. Только он мне не родной брат, а двоюродный – кузен.

– Но вы близки?

– Мама говорит, что мы росли как родные. А муж говорит, что мы с ним специально выбирали нашу квартиру, чтобы быть поближе к моим родственникам.

– Это же чудесно! Или тебя раздражает постоянное присутствие в твоём доме родственников?

– Нет, – помотала головой Леночка. – Они очень славные. Мама милая и веселая. Никогда не бурчит ни на меня, ни на Игоря. А Сеня такой шепутной! У него вечно романы с девчонками. И всякий раз он называет мне новое имя!

– Забавный молодой человек.

– Они очень веселые! Но не в этом дело.

– А в чём? В свекрови? Она тебя достает?

– Нет. Она тоже очень мила со мной. Всегда заглядывает к нам по утрам и что-нибудь приносит с собой покушать. Либо готовые котлеты, либо самодельный торт, либо пирожные, или даже салаты в банках. Сидит обычно недолго. От силы час, а потом уходит, потому что у неё и других дел полно.

– Но вечером она возвращается?

– Да. Приезжает вместе с Игорем или одна. Помогает мне по хозяйству. Да что уж там говорить, она все в доме и делает! И полы она моет. И посуду. И стирает.

– Так чем же ты недовольна?

Леночка втянула через трубочку солидный глоток кофейного коктейля со сливками, ликером и кокосовым сиропом. Кофе придавал ей решимости, и она выпалила:

– Понимаешь, я никого из них не помню!

– Что?! – удивилась Мариша, устремив взгляд на приятельницу.

– Не помню! – явно находясь в отчаянии, повторила Леночка. – И даже хуже того! У меня нет к этим людям никаких чувств! Они для меня словно бы чужие!

– Невероятно, – покачала головой Мариша. – А что они говорят тебе на это?

– Они сказали, что я попала в аварию. И потом мне долго пришлось пролежать в больнице. У меня была травма головы и лица. И амнезия – частное явление после такого рода травм. А со временем память ко мне вернется.

– Ну, вот видишь! Все и объяснилось! – с облегчением воскликнула Мариша. – Никакой загадки и нет. Обычная амнезия!

Но Леночка радоваться вместе с ней что-то не торопилась.

– Нет, не все, – покачала она головой. – Я же не сказала тебе самого главного.

– Ну, так говори.

На самом деле Марише уже наскучил этот разговор. Она считала, что Леночка просто с жиру бесится. Все у заразы есть! И любящий муж, который делает ей подарки, дарит цветы и наверняка не забывает целовать жену по утрам и говорить ей ласковые слова. Есть веселая мама и заботливая свекровь. В доме у них всегда много народу, скучать Леночке не приходится. Работать её тоже, по всей видимости, не заставляют. В деньгах не ограничивают. Когда она захочет, может отправиться погулять, одна или с подругами. Няня всегда наготове и присматривает за детьми. Так какого, спрашивается, рожна этой Леночке ещё надо?

– Я тебе не рассказывала деталей. Вокруг меня происходит нечто странное. К примеру, я ведь тебе сказала, что моя мама души не чает в детях? Да?

– Да.

– Так вот, а на днях я застала её за тем, что она трясла за шкуру Наташку и так злобно на неё шипела! Ты бы видела мамино лицо в этот момент! Её буквально перекосило от злости.

– Наверное, девочка сделала что-то не то.

– Ну, она уронила чашку с бульоном. Великое дело! Чашка даже не разбилась.

– И тем не менее твоя мама так обозлилась на девочку? Она очень аккуратная?

– Совсем нет! И главное, что она говорила при этом Наташке! Она называла ее прибулдышем и подзаборной крыской.

– Ну, это уж слишком! – возмутилась Мариша. – Поговори со своей мамой! Даже если девочка и приемная, а ты об этом забыла, некрасиво говорить это в лицо самому ребенку!

– А еще моя свекровь ненавидит моего мужа.

– Своего сына?

– Да.

– Как такое возможно?

– Не знаю. Я, опять же, застала эту сцену случайно, когда они меня не видели и не подозревали о моем присутствии. Свекровь ругалась на моего мужа. Она влепила ему пощечину и говорила, что ей-то все равно, она ничего не теряет, но что он – идиот, олух и своими глупостями он погубит всю их затею!

– А что это за глупости?

– Ах, ерунда! – отмахнулась Леночка. – Просто в тот вечер муж задержался на работе. Приехал не в семь, как обычно. А в десять.

– И свекровь ждала его?

– Да. Она очень волновалась. Даже больше, чем я сама. Все время твердила, что сейчас очень опасно передвигаться по улицам после наступления темноты. Что бандиты, воры и грабители орудуют сплошь и рядом. И она при мне звонила ему раз пять.

– Странная реакция матери на задержку сына! Наверное, она в самом деле его очень любит.

– Я тоже так сначала думала, но... Но она разговаривала с ним, не как с сыном. И самое главное... Я тебе не говорила, что моего мужа зовут Игорь?

– Я знаю, что он Игорь.

– Вот! А свекровь назвала его Костей.

– Странно... А ты не спросила у нее, почему она так сделала?

– Спросила. Но она ответила, что мне послышалось. И что она назвала Игоря не Костей, а котей. Котиком, то есть.

– Что ж, вполне вероятно, что так оно и было. Ты ослышалась.

– Я не ослышалась, – покачала головой Леночка. – Она сказала именно «Костя»! Не котя, а Костя! Четко и ясно!

– Котя? Довольно странное обращение к своему сыну.

– И Костя – тоже не лучше!

– А твой муж что-нибудь ответил матери?

– Он поцеловал ей руку и так развязно вдруг сказал: «Спокойно, мамаша, все под контролем!»

– Под контролем? Что он имел в виду?

– Не знаю. Потому что моя свекровь выдернула у него свою руку и хотела его снова ударить.

– А он?

– Он перехватил ее руку и... Одним словом, если бы я не появилась, наверное, они бы подрались!

– Какой ужас! – испугалась Мариша. – Мать и сын дерутся! Наверное, на самом деле... они ненавидят друг друга, а не любят... Но это же ужасно!

– Конечно, ужасно.

– Ты спросила у них, что это значит?

– Спросила. Муж сказал, чтобы я не брала в голову. Они, мол, с матерью шутили. А свекровь сказала, что она разозлилась на Игоря за его опоздание, вот и хотела его в шутку шлепнуть по щеке. В шутку, как она сказала. Но я уверена, что ей тогда было не до шуток.

Мариша промолчала. Что и говорить, странные шутки! И странная реакция матери на совсем недолгую задержку сына. Или она знает что-то такое, чего не знает Леночка? Поэтому так и распахивалась? У мужа Леночки есть любовница? Это у нее он так задержался? И мать, зная об этом и жалея невестку, принялась осуждать сына? Довольно-таки странно, обычно матери весьма снисходительны к своим детям. Подумаешь, изменил. Не ему ведь рога наставили, а он!

А Леночка, чувствуя, что молчание Мариши затягивается, внезапно произнесла:

– И я не рассказала тебе самого главного... Третьего главного. Вчера я случайно увидела на улице Сенью. Он шел не один.

– Ну да. Ты говорила, что у него девушки меняются, как картинки в калейдоскопе.

– Но он шел не с девушкой.

– А с кем?

– С юношей.

– Наверное, это был его друг, – предположила Марина.

– Они обнимались! А на углу даже поцеловались. В губы!

У Мариши от изумления глаза полезли из орбит. Ну и семейка у Леночки! У каждого ее члена полно каких-то своих тайн. Не слишком серьезных, но если сложить все вместе, то получается занятная картинка.

– Ты хочешь сказать, что твой кузен... Голубой?!

– А как иначе объяснить его поведение? Во всяком случае, у меня других версий нету! Какой натурал станет целоваться взапрос с другим мужчиной? Так поступают только геи!

– И ты осуждаешь Сенью?

– Нет, мне все равно, с кем он встречается. Но почему он врал насчет своих девушек?

– Ну... В принципе такое бывает. Не часто, но случается. Молодые геи, стыдясь своих чувств, скрывают их от своих родных. Наверное, твой Сеня понимает, что вы не одобрите его увлечения мальчиками, вот и шифруется от вас.

– Но зачем он приводит к нам в дом своих девушек?

– Так для маскировки и приводит! Чтобы вы видели, что он натурал. А на самом-то деле... Знаешь, пока что в действиях твоих родственников я не вижу состава преступления.

– Я тоже, – призналась Леночка. – Но все это так странно! Так странно! Вокруг меня что-то происходит, а я не понимаю, что именно.

– Знаешь что, – миролюбиво предложила ей Мариша, – ты еще немного понаблюдай за своей семьей. При случае не стесняйся подслушивать и подсматривать. Возможно, ты узнаешь нечто действительно шокирующее. Вот тогда мы с тобой и начнем думать, что и как.

Леночка неожиданно сильно обрадовалась ее предложению.

– Правда?! Ты меня не оставишь одну?

– Нет. Не оставлю. Если твои родственники задумали что-то плохое, то мы выведем их на чистую воду.

Мариша пообещала ей это просто так, чтобы отвязаться от оказавшейся чересчур мнительной Леночки. Сама Мариша была уверена, что молодой девушке ничего не грозит. И все эти странности, о которых она поведала Марише, существуют исключительно в голове у самой Леночки.

* * *

Но действительность показала, что на этот раз Мариша ошиблась. Не прошло и двух дней с их разговора, как Леночка снова возникла в жизни Мариши. На этот раз она просто позвонила в дверь Маришиной квартиры. Вид у нее был безумный. Глаза вращались, лицо было красное, покрытое пятнами. А волосы свисали спутанными лохмами прямо на лицо.

– Он умер! – выпалила она, влетая в квартиру Мариши. – Умер! Представляешь?! А я даже горя не чувствую! Словно бы и не мой брат умер, а кто-то совершенно посторонний!

– О ком ты говоришь? – испугалась Мариша. – Кто умер?

– Сеня! Сеню убили вчера вечером.

– Боже! – схватила за голову Мариша. – Твоего брата?!

– Кузена.

– Убили?

– Ага. Убили. Насмерть.

В голосе Леночки слышалось что угодно, но только не скорбь. Но Мариша решила не обращать на это внимания, а расспросить молодую женщину о случившемся поподробнее.

– Как это произошло? Где? Когда?

– На него напали в подъезде его собственного дома. Сеня возвращался домой от меня. Было уже поздно. И, видимо, его подкараулили какие-то гопники. Накинули ему на шею веревку и задушили. Или зарезали ножом. Не знаю.

– Его ограбили?

– Да. Забрали телефон и бумажник. Правда, золотые часы и перстень почему-то не тронули. Наверное, решили, что это подделка под золото.

– Или им времени не хватило, – предположила Мариша. – Мне очень жаль твоего кузена.

– Мне тоже жаль. Как узнала, сразу же разревелась. Все-таки мы с ним дружили. И если даже он и был голубым и обманывал всех нас, то это ведь не самый страшный грех. Верно?

– Конечно. Послушай, ты не должна винить себя.

– Я? Винить себя? Я и не собиралась. С чего мне винить себя?

– Но ведь брат шел от тебя. Ты сама так сказала...

– Ой, я и не сообразила!

– Вот видишь.

– А с другой стороны, ну и что? – пожала плечами Леночка. – Мало ли откуда он шел? Убила-то его не я, а какие-то злодеи. Милиция уже занялась этим преступлением. Но мне кажется, что они ничего не найдут.

– Почему? Может быть, и найдут. Все-таки у нас встречаются и хорошие специалисты. Они осмотрят место преступления, тело пострадавшего и...

– Ой! – схватила за голову Леночка. – Так я же не сказала тебе самого главного! Тело пропало!

– Что?! – оторопела Мариша. – Как пропало? Куда пропало? Из морга пропало?!

– Сама не понимаю, как и что. Но мама сказала, что когда милиция приехала на вызов, то тела в подъезде уже не было.

Мариша слушала и чувствовала, что перестает верить Леночке. Все случившееся выглядело настолько абсурдным, что у Мариши голова пошла кругом.

– А кто же сообщил вам об убийстве?

– Мне мама позвонила.

– А она откуда узнала?

– А ей из милиции позвонили.

– Ну и дела! Что же, милиция прошляпила труп? Или твой брат был жив, а врачи ошиблись, диагностировав его смерть?

– Что же ты думаешь, он пришел в себя, встал и ушел? С колотой раной в боку?

– Я не знаю, что и думать, – честно призналась Мариша. – То ты говоришь, что его зарезали, потом – задушили, а теперь выясняется, что его закололи. Где, говоришь, жил твой брат? Неподалеку отсюда? Тогда есть шанс что-то выяснить в нашем районном отделении милиции.

* * *

В районном отделении Маришу хорошо знали. Так что особых трудностей в диалоге с властями Мариша не испытала. Напротив, менты были очень расположены к такому симпатичному местному сыщику, вернее, сыщице, как эти молодые ребята называли между собой Маришу. И все они клялись и божились, что сами дали бы себя убить, лишь бы Маришино внимание обратилось на них.

Так что поговорить с галантными ментами было сущим удовольствием. Мариша прямо расцвела, ощутив по отношению к своей особе такое усиленное мужское внимание. Приятно осознавать, что ты нравишься людям! А если благодаря этому им еще и нравится то, что ты делаешь, тогда это вдвойне приятно.

– Ребята, довольно вам петь мне дифирамбы. Ведь я хотела поговорить с вами не о себе. Слышала, этой ночью у вас на участке произошло убийство?

– А-а-а... Да, произошло.

– От тебя ничего не скроешь!

– Но с каких это пор тебя стала интересовать бытовуха?

– Бытовуха? – удивилась Мариша. – Ну, я бы не сказала...

– Там же все ясно, – перебил ее один из оперативников. – Муж долбанул своего собутыльника – и одновременно любовника своей жены – табуреткой по башке. А тот в ответ швырнул в него старым чугунным утюгом. И надо же так случиться, что утюг действительно попал тому в голову и пробил ее! Ведь оба, что один, что другой, были пьяны в зюзю. И поди ж ты! Такая меткость!

– Обалдеть! – прошептала Мариша. – Сколько новой информации! Муж убил любовника утюгом! Нет, я говорю о другом убийстве.

– А больше никаких убийств у нас в районе не было.

– Не было убийств? Вы что? А-а-а... Выходит, парень выжил?

– Какой парень?

– Ограбление с нанесением тяжких телесных повреждений было зафиксировано прошедшей ночью?

– На нашем участке? Нет!

– Как же так? – заволновалась Мариша. – Погибший – брат моей подруги! Верней, не брат, а кузен, но все равно ведь родственник! И она сказала мне, что этой ночью ее брат был убит.

Лица ребят мигом стали серьезными.

– Ну-ка! – произнес один из них, внимательно глядя на Маришу. – С этого места – еще раз, и поподробнее. Кто и кого убил? Каким образом? И где?

Так и пришлось Марише вместо того, чтобы вызнать у оперов подробности ночного происшествия, выложить им жалкие крупички той информации, которой она обладала сама. В результате такое общение обогатило обе стороны. Оперативники узнали об еще одном происшествии на своем участке. А Мариша поняла, что ребята ее не дурят и не разыгрывают, они в самом деле ничего не знают об этом деле.

– Не понимаю! – воскликнула Мариша. – Если не вы сообщили Леночке о гибели ее брата, то кто же это сделал? Может быть, приезжали из городского управления?

– Без нашего ведома? Мариша, ты же понимаешь, что это невозможно.

– Тогда что? Как можно объяснить подобное происшествие?

– А что, если это шутка? – предположил один из ребят. – Чья-то глупая шутка? И тело, вон, пропало!

– А было ли тело?

- Может, и не было никакого тела!
- Конечно, не было. Просто кто-то так глупо позабавился.
- Руки бы оборвать таким шутникам!
- И не только руки, но и кое-что еще!

От ментов Мариша мчалась, как на крыльях. Вот все и разъяснилось! Это всего лишь глупая шутка. Раз дело не открыто, значит, никакого тела и нету. Нет тела – нет дела. Сенья жив и здоров, просто он куда-то уехал. С этими мыслями Мариша принеслась в квартиру Леночки и застала там всех в состоянии глубочайшей скорби. Зеркала были уже занавешены черными тряпками. Вся семья облачилась в черное. Детей закрыли в их комнате, чтобы они не мешали взрослым предаваться горю. А Леночка и ее мама заливали слезами все вокруг.

- Такой молодой! – рыдали они в голос. – Такой красивый! Столько надежд! И за что?!
- Дамы, дамы! – закричала Мариша. – Минуточку внимания! А что, если все это – просто

чья-то злая шутка? Кто из вас своими глазами видел тело Сени?

Леночка и ее мать, как по команде, перестали рыдать и уставились друг на друга.

– Тело? – прошептала мать Леночки. – А ведь в самом деле? Кто его видел? Никто. Я, во всяком случае, точно не видела.

Леночка изумленно уставилась на свою мать:

– Как? Мама! Ты не видела Сенью мертвым?!

– Нет. Откуда? Молодой человек по телефону сказал мне, что при Сене был паспорт. Так что процедуры опознания не понадобится. И что уже завтра я могла бы забрать тело Сени и заняться похоронами, но вот – тело они потеряли.

– Они так и сказали? Потеряли?

– Ну да. Так и сказали.

– Сволочи какие!

– Они сказали, что у них в морге появился новый сотрудник. И что он все перепутал. Так что тело нашего Сени придется еще хорошенько поискать. Но как только они его найдут, они мне сообщат.

– Бред какой-то! – пробормотала Мариша. – Впервые слышу о чем-либо подобном.

– Да и я теперь тоже понимаю, что это звучит как-то странно, – шмыгнула носом женщина. – Но в тот момент мне так не показалось. Конечно, придя в себя после этого звонка, я стала звонить Сене. Но трубку он не брал. И я поехала к нему домой.

– И что?

– Дома его тоже не оказалось! А ведь было уже почти утро. Четыре часа. И в квартире у Сени было так голо, так пусто! И я поняла, что все – правда! Что с Сеней случилось нечто ужасное. Что он... Он погиб!

И женщина снова зарыдала.

– Перестаньте! – закричала Мариша. – Перестаньте! Никто вашего племянника не убивал.

– Нет?

– Нет! У участковых милиционеров не зафиксирован подобный инцидент! А раз не зафиксирован, значит, его и не было. Понимаете? Не было никакого убийства!

Леночка и мать непонимающе уставились на Маришу.

– А-а-а... – протянула мать Леночки. – И тут перепутали! И тут они потеряли! Халтурщики! И как их только на работе держат? Гнать таких бездельников надо!

– Мама, перестань, – поморщилась Леночка. – Тут что-то не то... Не кричи так.

– Да что не так? Что не так? – не успокаивалась мать Леночки. – У них там бардак! Все бумаги перепутали. Протокол потеряли. Тело тоже потеряли. Что они вытворяют?! Что у них в ведомстве творится? Да я буду писать жалобы! Самому прокурору напишу! Пусть разберется, где тело мальчика и почему до сих пор на преступников, посягнувших на него, не заведено уго-

ловное дело. Почему их не ищут? А-а-а... Милиция в сговоре с преступниками! Я все поняла! Эти ваши оперативники – оборотни в погонах! Они спрятали тело! Моего Сенечки... Моего...

И женщина снова зарыдала. Мариша с жалостью и сочувствием смотрела на женщину. Как же она любила сына своей покойной сестры! Иные люди так и ради близкой родни не убиваются. А тут – по какому-то там племяннику...

Но тут же Мариша подумала, что все-таки мамаша у Леночки – жуткая дура! Ну, почему она не хочет слушать увещаний Мариши? Конечно, страшно, когда с тобой так шутят. Но ведь дураку же ясно, что это была просто чья-то злая выходка. Никто и не думал убивать Сеню. Скорее всего он жив и здоров. Остался ночевать у какой-нибудь своей подружки... Пардон, у какого-нибудь своего близкого приятеля. А тетка тут подняла жуткую бучу!

– Но ведь он пропал уже больше суток тому назад! – возразила Леночка. – Если бы Сенька загулял, то он бы вернулся на следующий день.

– Конечно. Ему нужно было переодеться и все такое!

– Совсем не обязательно. И потом, сегодня выходной день. Ваш Сеня мог уехать сразу на три дня, – заметила Мариша.

– Сеня никуда не собирался! – твердо заявила Татьяна Сергеевна. – Я знаю!

Эта дама, определенно, уже начинала потихоньку бесить Маришу. Откуда у тетки такая уверенность? Она что, контролировала каждый шаг своего племянника? Он давал ей отчет, куда, с кем и зачем он отправится? Или он до сих пор был маленьким мальчиком, нуждающимся в присмотре за собой? Или тетка просто так привыкла заботиться о племяннике, что никак не могла перестроиться, несмотря на то что парню уже стукнула четверть века?

– Мама, у Сени могли появиться спонтанные планы, – с некоторым раздражением в голосе произнесла Леночка. – Он не обязан...

– Нет, он обязан! – неожиданно взвизгнула ее мать. – И где шляется этот мерзавец?!

– Кто?

– Твой муж! Почему я должна все решать в одиночку? Мужчина он, в конце-то концов, или нет?

– Мама, он поехал на работу. Он уже объяснил, что у него важные дела. И он не может отменить их, даже ради Сени.

– Конечно! – горько произнесла Татьяна Сергеевна. – Если бы речь шла о ком-то из его собственных родственников, он бы не задумался и остался.

– Что ты такое говоришь, мама!

– Уж я знаю, знаю! – поджала губы мать. – Плевать ему на Сеню! И на его смерть – тоже! Только рад будет, что не придется...

– Не говори так, мама! Это ужасно! Ты обвиняешь Игоря несправедливо!

– Ладно, вы мне тут все не верите. Я понимаю, я в ваших глазах – просто вздорная, глупая баба. Но я знаю, что с моим мальчиком случилось несчастье! Я чувствую это! Тот человек не лгал! Он действительно видел тело Сени. И мой мальчик сейчас мертв!

И она снова зарыдала. Никакие доводы не смогли изменить ее мнения. Сеню убили. А менты покрывают его убийц. И сами спрятали тело. Или убийца его спрятал, а потом позвонил и издевался над ней. Или... Версий у нее было много. Но конец у всех был один и тот же. Сеня погиб. А его тело потеряно.

– Мне даже некуда пойти, чтобы пожаловаться. Все скажут то же самое, что и вы: Сеня жив, он просто уехал. Раз нет его тела, то нет и состава преступления! О-о-о! Он все просчитал! Он страшный человек! Страшный!

– Кто?

– Убийца!

– Значит, вы все равно считаете, что Сеню убили?

– Ну да! Конечно. Тот человек и убил, который звонил потом мне!

– И зачем убийце звонить вам и пугать вас?

Но Татьяна Сергеевна словно обезумела. Она ничего не отвечала, а только раскачивалась взад и вперед и твердила одно и то же:

– Он это сделал! Сделал! Сделал!

– Преступник что-то имеет конкретно против вас?

Татьяна Сергеевна подняла глаза на Маришу, но снова ничего не ответила. И та продолжала допытываться:

– Кто мог так жестоко подшутить над вами? У вас есть злейший враг? Человек, способный убить вашего племянника, похитить его тело, а потом звонить вам и издеваться над вами?

– Был, – побледнела Татьяна Сергеевна. – Такой человек в моей жизни был. Он мог! Да, да! Именно он и мог! Я не думала, что он отважится, но... Даже крыса способна укусить, если ее загнать в угол! Он убил Сеню!

– Простите, но если бы такой человек и существовал в реальности, то он похитил или бы убил в первую очередь не вашего племянника, а вашу дочь!

– Что? – прошептала Татьяна Сергеевна одними губами. – Какую еще дочь?

– Дочь! – повторила Мариша. – Нашу, вернее, вашу Леночку! Убийца похитил бы именно ее. Вашу дочь. самого близкого вам человека.

– Ах, вы ничего не понимаете! – взмахнула руками женщина.

– А что тут понимать? Дочь бы он похитил, а не племянника!

Но Татьяна Сергеевна не стала даже слушать.

– Я знаю, с ним случилась беда. Лена, ты должна кое-что для меня сделать! Лена, я должна тебе сказать... Ты ведь совсем не знаешь, что происходит. Ты должна...

Но ничего больше Татьяна Сергеевна сказать не успела. На пороге возникла Клара Сергеевна – мать Игоря. По иронии случая, обе Леночкины мамы (включая свекровь) носили отчество – Сергеевна. И вот сейчас, едва войдя в комнату, Клара Сергеевна окинула ее цепким взглядом.

Красотой Клара Сергеевна отнюдь не блистала. Волосы у нее были седые и тусклые. Лицо – в глубоких морщинах, которых не мог скрыть даже тональный крем. Нос длинный, а под носом некрасивая бородавка. Наверное, Клара Сергеевна была в душе золотым человеком, но на ее внешности это никак не сказывалось.

– Танюша, дорогая! Как вы? – произнесла она, увидев родственницу всю в слезах. – Как вы себя чувствуете? Сеня так и не нашелся?

– Не-е-ет!

– Да вы совсем бледная, Танечка! – всполошилась Клара Сергеевна, она была, похоже, славной теткой. – Вам надо прилечь! Леночка, уложи мамочку на кровать. Что же ты смотришь?! И каплей ей налей. Ей нужно хоть немного успокоиться.

Татьяна Сергеевна не стала противиться ухаживаниям Клары. Она лишь схватила дочь за руку и прошептала ей на ухо:

– Кларе ничего не говори! Мы потом с тобой наедине все обсудим!

А Клара Сергеевна развила бурную деятельность. Ее тоже возмутило, что никто не знает, что произошло с Сеней, и не может рассказать об этом несчастным, сходящим с ума от горя родственникам. Клара звонила в милицию, в прокуратуру и еще куда-то, во множество инстанций. Она договаривалась, она узнавала, грозила и негодовала. Но все было бесполезно. Там ничего не знали о случившемся.

Никто из друзей и знакомых Сени, с которыми он общался и чьи телефоны были у Татьяны Сергеевны, тоже никакого света на происходящее не пролил. Они говорили, что Сеня – славный чувак, наверное, он просто завис где-нибудь и скоро вернется. Сама Татьяна Сергеевна никому звонить не стала.

– Зачем? – трагически шептала она. – Кому мне звонить? Я и так все знаю! Сеня... погиб. Мне звонил его убийца. И он все мне сказал. О-о-о! Какая же я была дура! Почему я не дала ему то, что он требовал? Сеня! Сеня! Мальчик мой, что же я наделала?!

Больше от нее ничего невозможно было добиться. Как на грех, еще и все друзья Сени твердили в один голос, что ничего о нем не знают. Что Сеня никуда не собирался. И что они сами обеспокоены его отсутствием. Изрядно подлил масла в огонь один молодой человек, особо близкий приятель Сени. Мариша с Леночкой при этом обменялись понимающими взглядами – мол, знают они, что это за близость такая особенная была между этими двумя молодыми людьми!

Но ни Татьяна Сергеевна, ни Клара Сергеевна и бровью ни повели. Видимо, для них было чем-то само собой разумеющимся, что молодые люди ходили друг к другу в гости и даже оставались ночевать друг у друга.

– А что тут такого? Молодые люди, семьями, женами и детьми не обременены. Могут себе позволить ночевать, где им угодно.

– В компании время идет веселей.

– Если по таким компаниям шляться, то жену и детей вовек не заведешь! – парировала Мариша, но женщины, опять же, ее намек не поняли или сделали вид, что не поняли.

Они лишь пожали плечами и посоветовали Марише помолчать. Но тем не менее этот паршивец – близкий приятель Сени – окончательно запугал женщин, заявив, что Сеня в тот злополучный вечер собирался к нему в гости. И сам он прождал Сеню почти до двух часов ночи. Но Сеня к нему так и не пришел. Да еще и телефоны свои выключил. И он, Петя, этим обстоятельством был так огорчен, что проплакал вчера всю ночь, до самого утра, а утром вычеркнул имя обманщика из телефонного списка своих друзей, а также и из своего разбитого сердца.

– Хотя я был очень удивлен, – добавил он под конец. – Мне казалось, что Сеня не из таких ребят. Если бы он захотел со мной порвать, то честно бы заявил мне об этом. И не стал бы меня терзать! Или свел бы нашу дружбу постепенно на нет. Но исчезать так внезапно и грубо... Зная, что я его очень и очень жду... Да к тому же он сам приглашал меня в гости. Это не я ему позвонил, а он мне! Просто у меня был готов мой фирменный салат и пирог с курятиной. И моя знакомая привезла отличное красное вино из Франции. Вот я и позвал к себе Сеню, чтобы разделить с ним трапезу.

– И он согласился?

– Сразу же! И очень обрадовался. И сказал, что он обязательно придет. Что он по мне соскучился. Что Францию он обожает. Вино и курятину тоже. А под конец разговора он еще добавил, что больше всех на свете он обожает... Ой!

Тут юный птенчик осекся, видимо, смекнув, что не стоит рассказывать тетке своего приятеля о том, как сильно обожает его ее племянник. Но Клара и Татьяна Сергеевны не обратили ровно никакого внимания на оговорку юноши. И, окончательно убедившись, что с Сеней случилось нечто неладное, зарыдали в голос – уже обе.

Глава 3

Таким образом, вошедший через час в гостиную Игорь застал картину вселенского горя. Его мать и теща дружно плакали, хватаясь то за сердце, то за напатырь, то за капли. А вокруг них сустились Леночка и Мариша, совершенно растерянные и не знающие, что предпринять.

Игорь постоял в дверях, посмотрел на это безобразие, а потом взял и гаркнул во всю глотку:

– Что тут происходит?!

– Тише ты! – кинулась к нему Леночка. – Сенька пропал!

– Пропал? – изумился Игорь. – Сказали же, что убит, а теперь – пропал!

Никакого горя по поводу смерти Сени мужчина не выказал. Видимо, родственник не был слишком ему дорог. Однако он все же стал допытываться у жены:

– Что ты говоришь такое? Как пропал? Куда?

– Ты ничего не знаешь? Он пропал! Потерялся! Похищен! Вернее, не он сам, а его тело!

Игорь недоумевающее крутил головой. Потом его взгляд почему-то остановился на теще. Впрочем, это было и понятно. Татьяна Сергеевна рыдала громче всех, и вид у нее был совершенно убитый. Она подняла на Игоря залитое слезами лицо и закричала:

– Пропал! Котя, он пропал! Мой мальчик! Мой Сенечка!

Мариша вздрогнула, услышав, как мать Леночки называет своего зятя этим непонятным прозвищем. Котя! Что за фамильярность в обращении к зятю? Мариша обвела глазами собравшихся, но, кажется, никто, кроме нее, не заметил оговорки женщины. Все смотрели на Леночку маму с сочувствием, и только. А Татьяна Сергеевна продолжала причитать:

– Господи, да что же это делается! Сначала Лена, теперь Сенечка! Я уверена, это все неспроста! Все это не просто так! Несчастья на нас так и сыплются! А ведь все было так хорошо и гладко!

– Мама, о чем ты говоришь? – удивилась Лена. – Куда я пропала? Я же тут.

– Ты-то да, – вздохнула Татьяна Сергеевна. – Не о тебе речь.

– А о ком?

– Твоя мама имела в виду, что ты ЧУТЬ было не пропала! – вмешалась в разговор Клара Сергеевна. – Ты же едва не погибла под колесами того сумасшедшего грузовика. Только чудо сохранило тебе жизнь. Ты потеряла память и долго лежала в больнице. Но ты осталась жива! А память – это ерунда! Память обязательно к тебе вернется.

– Где мой Сеня-а-а! – разрыдалась Татьяна Сергеевна, перекрывая своим воем все другие голоса. – Верните мне моего мальчика. Я не хочу больше участвовать в этом. Я уверена, что все наши беды начались с того, что мы влезли в эту историю. С самого начала все пошло не так, как надо!

Игорь кинул внимательный взгляд на жену и Маришу. Но если Леночка лишь качала головой, с сочувствием держа за руку Татьяну Сергеевну, то Мариша не отвела глаза и посмотрела Игорю прямо в зрачки. Тот смутился и взгляд свой поспешно отвел в сторону, что еще больше насторожило Маришу. Черт возьми, что тут у них происходит? Похоже, Леночка права. И в этой семье действительно есть что-то настораживающее и даже, прямо сказать, загадочное. И куда делся этот Сеня?

Но Мариша не успела высказать свое мнение, как Татьяна Сергеевна вдруг бросилась к Игорю:

– Игорек! Умоляю тебя! Сделай что-нибудь!

– Да что я могу? – развел он руками.

Мариша даже разозлилась на него. Ну что за дубина! Что ему стоило пообещать убитой горем женщине, что он сейчас же пойдет и найдет ее племянника? По крайней мере, точно

узнает, что с ним произошло! Нет, стоит тут и морды разные корчит. Дескать, его это не касается. А ведь касается, и даже очень! Родня как-никак!

Кажется, Татьяна Сергеевна была того же мнения, потому что она продолжила взволнованным голосом:

– Ты же понимаешь, что оба эти случая могут быть связаны между собой.

– Татьяна Сергеевна, давайте поговорим об этом после, – раздраженно ответил Игорь. – Сейчас вы не в том состоянии, чтобы...

– В том! Именно в том! Игорь, не отворачивайся от меня!

– Иначе что?!

В глазах Игоря вспыхнули нехорошие огоньки. Таким его Мариша никогда еще не видела. Со слов Леночки она сделала вывод, что в мужа женщине достался человек спокойный, уравновешенный и необычайно добрый и щедрый. Но сейчас в этом положительном портрете нарисовались кое-какие плохо сочетающиеся детали.

– Во-первых, почему Котя, если он Игорь? – прошептала Мариша на ухо Леночке, воспользовавшись тем, что Клара Сергеевна и Игорь повели Татьяну Сергеевну в гостевую спальню, чтобы она там немного пришла в себя. – Во-вторых, куда ты пропадала, Леночка? И в-третьих, отчего это твоя мать так переживает из-за племянника?

– Мама очень привязана к Сене.

– Это я вижу. Но все это довольно странно...

– Правда?! – обрадовалась Леночка. – Теперь ты тоже видишь, что в нашей семье не все ладно?

– Пожалуй.

– И ты возьмешься за это дело?

– Возьмусь. Хотя я пока что и не знаю, с чего тут нужно начинать.

Мариша и правда этого не понимала. Со слов Леночки она знала, что их семья переехала в этот дом всего полгода тому назад, даже чуть меньше. А память Леночка потеряла еще раньше. То есть, где они жили раньше, она не знала. Из больницы она вернулась уже в эту квартиру. Почему? Муж сказал Леночке, что ему подвернулся необычайно выгодный вариант. И он просто не мог не ухватиться за него.

За прошедшие четыре месяца Мариша и двух слов не сказала с Леночкой. Вообще говоря, она даже не подозревала об ее существовании. Квартира Леночки и ее семьи находилась в другом подъезде. На детскую площадку прежде Мариша не заглядывала. И с Леночкой их пути никогда не пересекалась.

Впервые молодая женщина обратилась к ней недели три назад, когда они случайно столкнулись на дорожке возле дома. Тогда Леночка спросила у Мариши о какой-то ерунде, уже и не вспомнить, что это было. Кажется, она увидела в руках у Мариши сумку с ярлыком модного обувного бутика и осведомилась насчет новой коллекции. Поступила уже она в продажу или нет?

Мариша, никогда не упускавшая случая поболтать о своих обновках, с удовольствием просветила Леночку. И, помнится, даже пригласила соседку к себе домой, чтобы в спокойной обстановке похвастаться своими покупками.

Да, они славно посидели, поболтали, хорошенько познакомились, а на следующий день обе женщины уже вместе поехали по магазинам. Мариша сразу же почувствовала к Леночке расположение. Несмотря на ее явное благосостояние и увлечение нарядами, красивой одеждой, Леночка не была ни пустышкой, ни надутой гусыней. Напротив, она была очень славная и приветливая молодая женщина.

Чтобы освободить себе день для шопинга, Леночка сдала детей няне. А Мариша... Ну, у Мариши таких забот пока что не было. Несмотря на все их усиленные со Смайлом старания,

дети у них пока что не получались. Мариша считала, что тому виной постоянные отлучки Смайла. Кстати, того же мнения придерживалась и мать Мариши:

– Служба у твоего мужа на первом месте, а не ты! Вот отсюда и вся проблема. Какой ребенок захочет появиться у отца, которого и дома-то не бывает?

Мариша считала, что мама несколько преувеличивает. Но тем не менее муж и правда бывал дома очень редко. Он был летчиком и служил в МЧС. То есть доставлял на самолете спасателей с поисковыми собаками, медикаменты, передвижные госпитали и прочие гуманитарные грузы к местам катастроф, которые то и дело случаются на нашей прекрасной, но такой непредсказуемой планете.

– Конечно, когда муж появляется дома два раза в месяц, завести нормального ребенка совершенно невозможно! – бурчала на Смайла Мариша.

Тот молчал. Хотя в душе оба понимали, что Мариша не права. И дело тут не в работе Смайла, а в чем-то другом.

– Но в чем? Я абсолютно здорова! Врачи, которые меня обследовали, прямо так и сказали: «Вас, девушка, можно в космос запускать! Давно нам не приходилось видеть такого крепкого организма. Все у вас работает, как часы!»

И тем не менее ребенок не получался. И чем было бедной Марише занять свое время, которого иногда оказывалось слишком много? Работать, надрываясь, Марише не приходилось. Дела в ее брачном агентстве шли вполне прилично, даже без ежедневных проверок самой хозяйки. Так что Мариша даже немного разленилась. И сама чувствовала, что у нее образовалось слишком много свободного времени.

Смайл вернется из своей очередной экспедиции только через неделю. А чем заняться Марише эту неделю? Скупить еще один бутик? Честно говоря, распродажи и связанные с ними радости уже порядком поднадоели Марише. У нее был слишком живой ум и разносторонние интересы, чтобы она могла довольствоваться лишь одним этим способом проведения досуга. Да и шкафы у нее дома буквально ломились от шмоток. А обувные коробки громоздились под самым потолком и уже грозили свалиться и завалить собой все вокруг.

Жизнь Мариши в последнее время стала слишком пресной. И она не один раз намекала мужу, как бы между делом интересуясь – есть ли в их организации местечко и для молодой привлекательной особы, чьи достоинства не исчерпываются пышным хвостом белокурых волос ниже плеч? Но Смайл всякий раз ловко уводил разговор в сторону. Он упорно не желал, чтобы его жена рисковала своей жизнью и здоровьем, направляясь вместе с ним в горячие точки планеты.

Глядя на все это, Мариша думала о том, что все мужчины, и ее дорогой муж в том числе, устроены более чем странно. Сами они рисковать своей жизнью могут хоть круглые сутки, с утра и до ночи, но, когда дело касается их жен или любимых женщин, тут они встают на дыбы и заявляют, что ни за что на свете не допустят для возлюбленной такой судьбы!

– Сиди дома, и тогда я буду за тебя спокоен. Если с тобой что-нибудь случится, что я буду делать? Я этого просто не переживу!

– А я? – спрашивала в ответ Мариша. – Я переживу, если с тобой что-то случится?

– Со мной все будет в полном порядке! – с непоколебимой мужской самоуверенностью отвечал Смайл.

На чем была основана его уверенность, Мариша так до конца и не поняла.

– Умоляю тебя, выбрось эту затею из головы. Если ты меня любишь, оставайся дома, так для меня будет спокойнее.

Вот Мариша и сидела дома. Но сама она чувствовала, что спокойствие мужа дается ей слишком дорогой ценой. Мимо нее проходило так много всего интересного! И что же? Пропустить и эту плывущую прямо к ней загадку и остаться с носом? Ну, уж нет! Не из того теста

она слеплена! Если уж муж не пускает ее в горячие точки планеты, Мариша сумеет найти себе такую «точку» поблизости.

– Пожалуй, я возьмусь за эту загадку, – задумчиво произнесла Мариша, глядя на Леночкино взволнованное лицо. – Но ты должна рассказать мне обо всем, что кажется тебе подозрительным или просто странным.

– Но я тебе уже все рассказала, – растерялась Леночка.

– Наверняка было что-то еще. Вспомни!

Но Леночка не успела ничего вспомнить. Да она вряд ли бы и смогла, ведь у нее была амнезия. Но тут внезапно из комнаты, где лежала Татьяна Сергеевна, раздался страшный крик.

– Мама! – вскочила на ноги Леночка. – Мама!

Она побежала к матери, а Мариша последовала за ней. Татьяна Сергеевна билась в новом припадке. На этот раз он превосходил по интенсивности все предыдущие. На губах у женщины выступила пена. А глаза ее страшно выпучились и налились кровью. И с ее губ слетали невнятные слова.

– Мама! – кинулась к ней Леночка, но по дороге ее перехватил муж. – Что с ней?!

– Какой-то приступ.

– Ей нужен врач! Срочно!

И Леночка кинулась к телефону. Он оказался выключен. Видимо, детишки, удрав от присмотра няни, порезвились с проводами.

– Где сотовый?!

Но Леночкин сотовый куда-то запропастился.

– Бери мой! – спохватилась Мариша. – Как вызывать врача? Обычную «Скорую»? По «03»? Или у вас есть особый страховой полис?

Сама Мариша была застрахована, помимо обязательного медицинского страхования, еще в одной крупной компании. И когда в прошлом месяце она упала и повредила себе колено, то была приятно изумлена тем, как быстро примчались к ней врачи. Как будто бы у Мариши не колено заболело, а как минимум оторвалась голова!

Невероятным образом врачи из частной страховой компании появились в ее квартире уже через четверть часа. И при этом они еще уверяли, что могли бы приехать и быстрее, если речь шла о чем-то действительно серьезном.

Но Леночка лишь растерянно хлопала глазами. Потеря памяти начисто стерла такие детали ее быта. Была у ее мамы страховка или нет?

– Игорь? – кинулась она к мужу. – Мама была застрахована где-нибудь?

– Не валяй дурака! Откуда я знаю? – раздраженно крикнул тот.

– А кто знает?

– В конце концов, это твоя мать! – парировал муж.

– Но я не помню, – окончательно растерялась Леночка.

Пока супруги разговаривали, Мариша уже вызвала обычную «Скорую помощь». И не постеснялась сгустить краски. А то знает она этих врачей! Приедут часа через два, когда их помощь будет уже не нужна. Хотя Марише казалось, что она ничего и не сгущает, а наоборот, приукрашивает. Потому что лицо Татьяны Сергеевны приняло опасную зеленовато-бледную окраску. И ей явно не хватало воздуха. Дыхание со скрипом вырывалось из ее горла. И Марише мерещилось, что каждый ее вздох окажется последним.

– Черт подери! Дайте ей хотя бы воды!

И, видя, что никто не торопится исполнить ее просьбу, сама сбегала в кухню за водой. А потом, до приезда врачей, она пыталась напоить несчастную женщину, чтобы хоть немного облегчить ее страдания. Игорь и Клара Сергеевна вели себя странно. Забились в угол, не делая особых попыток вмешаться в происходящее.

– У мамы часто бывают такие приступы, – объяснила их поведение Леночка. – Правда, такой сильный я вижу впервые. Но и раньше она могла начать рыдать из-за какого-нибудь ерундового повода. И постепенно она доводила себя до такого вот жуткого состояния.

– Так у нее случались истерики?

– Да.

– И что за поводы находились?

– Да ерунда всякая! Наташа могла ей что-нибудь невежливо ответить. Саша мог опрокинуть свои краски на ее брюки. Сеня не брал трубку. Одним словом, ничего не значащая ерунда, но мама делала из этого целую трагедию.

Мариша тяжело вздохнула. Знала она таких женщин, способных действительно из-за сущей ерунды устроить близким целое представление. Делалось это из эгоистических побуждений. Во-первых, все внимание окружающих было привлечено к их персонам. И еще: в следующий раз родственники по десять раз обдумывали, что и как сказать истеричке, чтобы не вызвать у нее, не приведи бог, нового приступа.

Но истерика ли то была или нет, а выглядела Татьяна Сергеевна плохо. К счастью, врачи прибыли довольно быстро. Не прошло и получаса. Своего рода рекорд! Врачам состояние больной внушило серьезные опасения.

– Вау! – воскликнул доктор – молоденький парнишка, весь в пирсинге и наколках. – Татьяна Ивановна, чего это с ней?

Татьяна Ивановна была медсестрой. А еще она была дородной дамой лет пятидесяти. Чувствовалось, что молоденький врач испытывает к авторитету своей подчиненной искреннее уважение. Двигалась Татьяна Ивановна медленно и с трудом, так как ей мешала излишняя тучность.

– Валерий Фадеевич, – с трудом переводя дух, произнесла она. – Вы врач, вам виднее. Не могу я диагноз ставить, это ваша задача.

– Впервые такое вижу! – продолжал изумляться врач. – Отравилась она, что ли? – И, посмотрев на родственников, он спросил: – Что она ела? Творог? Консервы? Немытые овощи или фрукты?

– Нет, – покачала головой Леночка. – Мама ничего такого не ела.

– Алкоголь? Вроде не пахнет.

– Мама не пила! У нас горе. Пропал мой брат.

– А-а-а! – мигом потерял интерес к пациентке молоденький доктор. – Нервишки. Татьяна Ивановна, что у нас там по поводу нервов имеется?

Но медсестра уже протягивала врачу заправленный шприц. После укола больная затихла. И к ней даже вернулся привычный цвет лица. Врач был счастлив. Медсестра – довольна. От госпитализации больная отказалась сама. И врачи, заполнив необходимые справки, быстро собрались и уехали.

– У нас еще куча вызовов. Некогда нам нервных дамочек за руку держать. Вы уж сами как-нибудь справляйтесь! И не нервируйте больную!

Легко сказать – не нервируйте! А что делать, если она сама нервируется?

После отъезда врачей все, кроме больной, потянулись в кухню. Перенесенный ими стресс требовалось снять как можно скорее. Впрочем, на кухне интересы у присутствующих разошлись. Голодный Игорь накинулся на холодные жареные свиные ребрышки. Клара Сергеевна положила себе зеленого салата с отварным окуном и зачавкала этой невкусной, но такой полезной диетической пищей. А Леночка с Маришей, не сговариваясь, потянулись к круглому шоколадному торту, засыпанному миндальной стружкой. И еще они налили себе по рюмке орехового ликера.

Прибежали Наташа с Сашей, которым тоже захотелось сладенького. Но дети ограничились веткой винограда, которую тут же принялись ошипывать. При этом маленькая Наташа

ощипывала ягодки и для себя, и для братика, методично засовывая ему их в рот. Ни разу не забыла про малыша! А ведь и сама еще была крохой. Но так уж повелось у этих детей, старшая всегда опекала братишку. Кормила его с рук, а тот только стоял, серьезно сопел и сосредоточенно жевал лакомство.

– Что это такое с мамой? Просто не пойму, – наконец произнесла Леночка, когда дети покончили с виноградом и ушли из кухни обратно к себе в детскую.

– А что тут не понять? Переволновалась твоя мама. Отсюда и результат! – И, повернувшись к сыну, Клара Сергеевна сказала: – Игорь, сынок, мне нужно с тобой поговорить.

– Слушаю тебя, мама, – безупречно вежливо ответил Игорь.

– Пойдем, выйдем.

– Что?

– Выйдем, я сказала.

Если Игорь и удивился, то виду он точно не подал. Вытер губы, послушно поднялся и следом за матерью вышел из кухни. Переглянувшись, Леночка и Мариша попытались было пойти за ними, но были остановлены властным голосом Клары Сергеевны:

– А вы, девочки, оставайтесь тут. Нам с Игорем нужно поговорить приватно. Ничего особенного, но мне будет удобнее обсудить эту тему наедине с моим сыном.

Словосочетание «МОИМ СЫНОМ» были особенно выделены ее голосом. Это чтобы у Леночки не осталось никаких иллюзий насчет материнской власти Клары Сергеевны над своим сыном. Но едва лишь мать с сыном вышли из кухни, как приятельницы сползли со своих табуреток и прокрались в коридор. Ах, какая досада! Игорь разговаривал со своей матерью, стоя у окна в гостиной.

Говорили они вполголоса, так что издали разобрать ничего было нельзя. А маячить в дверях гостиной подругам тоже не хотелось. Хитрая Клара Сергеевна специально не закрыла за собой дверь, чтобы не дать Марише с Леночкой возможности подслушать их разговор у дверей.

– Вот хитрая гадина! – возмутилась Мариша.

– Кто?

– Твоя свекровь!

– Что ты! Клара Сергеевна – милейшая женщина. И ко мне она очень расположена.

– Вижу, как она расположена!

– Не понимаю, какая муха ее нынче укусила, – призналась Леночка. – Обычно она так себя не ведет. И Игорем не помыкает.

– При чем тут Игорь? Она подчеркнула, что ты тут – никто! И с тобой советоваться не обязательно.

– Очень обидно получилось, – согласилась Леночка.

– Нельзя свекрови позволять садиться тебе на голову. Ты должна принять меры!

– А что же мне делать?

– Пойди к ним, в гостиную, и заяви о своих правах! В конце концов, ты тут не в поле обсевов, а полноправная хозяйка и мать.

Воодушевленная словами Мариши, Леночка метнулась в гостиную. Но стоило ей появиться там, как муж и свекровь разом замолчали и вопросительно-недовольно уставились на Леночку.

– Я... – тут же засмутилась Леночка, – я хотела... Понимаете...

Несмотря на подбадривающее шипение Мариши из кухни, Леночка замялась и стушевалась под взглядами своих родственников.

– Я тут... Одним словом... – лепетала она.

– Лена, выйди, пожалуйста! – холодно и отстраненно вдруг произнес ее муж. – У нас тут с мамой важный разговор.

– Ах, вот как! Ну, хорошо. Извините, я не знала. Не поняла... Уже уйду!

И Леночка пристыженно выползла из комнаты. Ей было так стыдно, что у нее горели щеки и кровь бурлила в голове, мешая слушать. В отличие от нее, Мариша сохранила трезвость рассудка и отлично расслышала, как свекровь Леночки сказала, адресуясь к своему сыну:

– Тебе не кажется, что эта тоже тупеет? Может быть, мы излишне поторопились сплавить твою жену?

И, в отличие от Леночки, которая накинулась на Маришу с упреками и ни о чем, кроме своего позора, думать была не способна, Марише было о чем поразмыслить еще, кроме этого. Что скрывает эта парочка – Игорь и его мамаша? Куда это они спланировали жену Игоря? И кто эта жена? Леночка? Но она ведь тут! Никуда не сплавленная! Так о ком же они тогда говорили?

Но главный сюрприз поджидал девушек позднее. Прошло около получаса. Подруги смирно сидели в кухне, доедая вкуснющий торт. Леночка пришла в себя и больше не дулась на Маришу. Да и для мужа со свекровью у нее нашлось оправдание. Переволновались, стресс, нервы... Все-таки близкие люди. Мало ли какие могут быть у них темы для обсуждения?

– Они просто не хотели волновать меня, – объясняла она Марише, пытаясь одновременно уверить в этом и саму себя. – В этом все дело. Они не хотели расстраивать меня, поэтому и попросили меня уйти.

– Ну да.

– Они меня любят.

– Вижу.

– Они замечательные люди!

– Конечно.

И вдруг дверь открылась и в кухню вошла Татьяна Сергеевна.

– Мама! – сразу же вскинулась навстречу ей Леночка. – Тебе лучше?

– Да, – странным металлическим голосом произнесла ее мать. – Мне лучше. И я хочу тебе сообщить, что я уезжаю.

– Уезжаешь? Но куда? Зачем?

– В Клин.

– Куда?! – изумилась Леночка. – В Клин? Какой еще Клин?

– Город.

– Знаю, что город! Но зачем тебе в Клин?

– Мне надо! И не отговаривай меня, я еду!

– Мамочка! Это невозможно, – испугалась Леночка. – Куда тебе ехать?! Тебе лечиться надо! Врач сказал, что ты в очень плохом психическом состоянии...

– Не выставляй меня идиоткой! – внезапно вспыхнула ее мать. – Твоих советов тут вообще никто не спрашивает. Знай свое место и помалкивай! Без тебя как-нибудь разберемся! Дура!

После этой отповеди Татьяна Сергеевна решительно повернулась и вышла из кухни, оставив Леночку с раскрытым от изумления ртом.

– Твоя мама не в себе, – рискнула заметить ей Мариша.

– Да уж, – с трудом выговорила Леночка.

– С чего это вдруг она стала с тобой разговаривать в таком тоне?

– Не знаю! Сама ничего не понимаю, – помотала головой Леночка. – Сеня пропал, и с тех пор у нас все перевернулось с ног на голову. Никто со мной не разговаривает! Все такие злые и напряженные... Да ты и сама видела, как они со мной обращаются!

– Видела.

– Гонят меня прочь, скрытничают, и никто не объясняет мне, что происходит.

– Наверное, они щадят твои нервы.

– И поэтому так мне грубят? – расплакалась Леночка.

И вот, удивительное дело: обычно стоило Леночке даже чуть надуть губки, как возле нее начинал плясать хоровод из обожающих ее родственников. Но сегодня что-то случилось. Никто из родни даже внимания не обратил на слезы обиженной Леночки. А ведь она ревела очень громко! И не заметить ее красных глаз и опухшего носа было просто невозможно.

Между тем Клара Сергеевна сразу же ушла. Татьяна Сергеевна собиралась недолго и тоже уехала. Как она и сказала – в Клин. А Игорь повез тещу на вокзал. Обрато он вернулся уже поздно вечером. Леночка ждала мужа у дверей. Но он только сказал ей, что Татьяна Сергеевна благополучно собрала необходимые ей вещи у себя дома и села на поезд, идущий в Клин. И все. Никаких комментариев на эту тему Леночка от мужа не дождалась.

– Но зачем же она туда поехала? – воскликнула несчастная женщина. – Игорь, как ты мог отпустить маму одну?! Она в таком состоянии, что...

– Заткнись, – вдруг велел ей муж. – Не мельтеши перед глазами! Дай мне подумать!

От удивления Леночка поперхнулась на полуслове. Никогда прежде муж не позволял себе такого в разговоре с ней! Максимум – он мог закрыть ей рот нежным поцелуем. А тут вдруг – «заткнись, уйди, не мельтеши!». Так грубо! И главное, совершенно неоправданно! Она не мельтешит, она просто очень волнуется за свою мать и за Сеню.

Обиженная Леночка ушла спать на диван в гостевую комнату, где совсем недавно рыдала ее мать. Там Леночка в лучших семейных традициях проплакала всю ночь, хорошо еще, что до истерики дело не дошло. А заглянув утром в свою спальню, она увидела, что муж даже не прикоснулся к их кровати. Где же он спал всю ночь?

Оказалось, что он и не спал вовсе.

– Нет, не спал хозяин дома эту ночь, – сообщила няня Леночке. – Как вы в гостевую ушли, так он из дома и уехал.

– А куда?

– Сказал, что к своей матери, – невозмутимо отозвалась няня, запихивая детям ложкой кашу в рот.

Те беспрекословно раскрывали ротик, словно голодные птенчики. Охотно и без капризов они жевали и глотали пышную белую манную кашу, лишь бдительно следя за тем, чтобы няня не забывала и на каждую ложку клала бы им по ягодке малинки из банки с вареньем.

Это зрелище затронуло в душе Леночки какие-то давно забытые струны. Она задержалась в кухне, и у нее в голове замелькали какие-то картинки. Но тут же мысли о сбежавшем к свекрови муже застлали собою все остальные. И Леночка преисполнилась возмущения, а потом она помчалась звонить свекрови и требовать вернуть обратно ее мужа.

Дома у свекрови никто не снимал трубку. Сотовый тоже оказался вне зоны действия сети. Муж трубку не брал. И в полном отчаянии Леночка позвонила Марише:

– Я ничего не понимаю! Они все сбежали, а меня оставили одну!

– Не преувеличивай. Ты не одна, у тебя есть дети, а у детей есть няня. Так что ты не одна, вы там вчетвером.

– А муж? А мама? А свекровь, наконец! Где они все? Куда они все делись?!

– Хм! Меня больше волнует вопрос, куда делся твой брат.

– Сеня?

– Да, Сеня. Он не появлялся до сих пор?

– Нет.

– Это очень странно.

– Что странного в том, что он не появляется? Его же убили!

– А где тело?

– Убийца спрятал! Или те же опера#!

Но Мариша не верила в продажность своих знакомых оперов, которые за деньги согласились бы спрятать чье-то тело и не заводить по этому поводу никакого расследования. Даже

если отбросить в сторону морально-этический аспект данного деяния, это все равно было бы с их стороны неосмотрительной глупостью.

– Потому что твоего брата обязательно начали бы искать. Он не был одиноким и всеми забытым. Его уже ищут. И менты отлично это понимали, не могли не понимать, – сказала Мариша.

– Им могли заплатить!

– Сколько бы им ни предложили, свобода все равно дороже. А за такой поступок можно не только звания и погон лишиться, но и свободы. Это же получается соучастие в убийстве! Думаешь, они бы ввязались в такое опасное предприятие?

– Да, об этом я как-то не подумала, – призналась Леночка. – Наверное, они тут ни при чем.

– Точно, ни при чем.

– Но что же мне делать?

– Искать Севу. Вернее, его следы.

– И где же нам искать следы Севы?

– В первую очередь у него дома. Ты знаешь, где живет твой брат?

– Да, да, конечно! – ничуть не удивилась такому вопросу Леночка. – Была у него много раз! И даже ключи имею!

– Очень хорошо, – с облегчением выдохнула Мариша.

Честно говоря, она ожидала услышать от Леночки что-нибудь вроде того, что та не помнит ни адреса своего кузена, ни его телефона. И теперь Мариша обрадовалась. Все-таки есть от чего оттолкнуться в ее новом расследовании. Квартира пропавшего могла сказать о своем владельце куда больше, чем все его друзья и родственники, вместе взятые.

Глава 4

Однако – против всех ожиданий – в квартире пропавшего молодого человека не нашлось ровным счетом ничего интересного. Ну, совершенно ничего! Мариша была просто изумлена. Она потребовала, чтобы они с Леночкой осмотрели квартиру очень тщательно. Сантиметр за сантиметром. А бумаги Сени, какие у него нашлись, изучили бы листик за листиком.

И все равно результат у девушек оказался нулевым.

– Если бы ты мне не сказала, что твой брат жил здесь и что ты бывала у него в гостях, я бы ни за что не поверила, что тут обитал живой человек!

Мариша повторяла эту фразу раз за разом отнюдь не даром. Квартира буквально поражала своей аккуратностью и прибранностью. На столах ни чашки, ни ложки, ни кусочка печенья в вазочке. Ничего! Голые поверхности, на которых уже скопилось небольшое количество пыли.

– Твой брат был чистюля?

– Никогда не замечала за ним особой аккуратности. У меня он проходил в квартиру иногда прямо в обуви. И за столом вечно раскидывал вокруг себя крошки.

– Очень странно. Выходит, твой брат не стал бы поддерживать вокруг себя такую строгую пустоту? Посмотри, все убрано в шкафы или за стекло. Хотя пыль есть, значит, твой брат не появлялся тут уже дня два, а то и дольше.

– Вижу.

– Может, все же Сеня был аккуратен?

– Не знаю. Он иногда бывал очень забавным. Но вот наводить чистоту... – Лена задумалась, а потом решительно воскликнула: – Нет, этого бы он делать не стал!

– Значит, за него это сделал кто-то другой.

– Кто? Домработница? Но у Сени после смерти родителей совсем не было денег. Куда уж ему домработницу нанимать! Он у мамы и у меня обедал и ужинал, потому что у него денег на еду не было.

– Он учился?

– Нет. Что-то не припомню.

– Работает?

– Да. Наверное, да...

– Наверное? – насторожилась Мариша. – Значит, ты не уточнила?

Леночка покраснела.

– Понимаешь, – пролепетала она, – когда я вернулась домой из больницы, то ничего не помнила и никого не узнавала. Мои родные сами сказали мне, кто из них есть кто и как их всех зовут. Ну, чтобы я знала, как к кому обращаться. Но вот подробностей своих биографий они мне не сообщили. Сказали, что это может отрицательно повлиять на мою память.

– Куда уж отрицательнее! Ты и так ни хрена не помнишь!

– Они имели в виду, что память может со своим возвращением еще больше задержаться, если у меня голова будет набита чужими воспоминаниями, а не моими собственными.

– М-м-м... Пожалуй, в этом что-то есть.

– Да. Это совет врачей. И потому мои родные мне почти ничего о себе не сообщили.

– Получается, что ты вроде как жила в окружении незнакомых тебе людей?

– И даже хуже, – кивнула головой Леночка. – У незнакомых людей можно спросить о роде их занятий, о том, где они жили прежде, где учились и сколько раз были замужем. А у своих я не могла ничего спросить! Потому что это вроде как табу и вроде как это табу для моей же пользы!

– Но тебя это бесило?

– Конечно! Что же это такое?! Время идет, память не возвращается. А я все как дура хожу и ничего не понимаю. И еще эти таблетки, которыми они меня пичкают! После них я вообще вырубаясь.

– Тебе дают таблетки?

– Да. С тех пор как я выписалась из больницы, я пью таблетки. Врачи сказали, что это облегчит процесс возвращения ко мне моей памяти.

– И ты их пьешь?

– Каждый день. Только сегодня и вчера я о них забыла... Да и не мудрено! Столько всего навалилось, где уж тут про таблетки упомянуть. Хорошо еще, что сейчас вспомнила!

И Леночка потянулась к своей сумочке, в которой у нее, помимо всяческого другого женского барахла, лежали две прехорошенькие декоративные бонбоньерки, украшенные резьбой, позолотой и разноцветными стразами.

– Какие красивые! – восхитилась Мариша. – Что там? Конфетки? Драгоценности?

Она была готова к любому сюрпризу, и действительность не подкачала.

– Таблетки! – разочарованно выдохнула Мариша, заглянув в коробочки. – Зачем они тут?

– А где же мне еще их держать? Красиво, правда?

– Красиво, но...

– Что?

– Ты пьешь таблетки, не зная их названия?

– А зачем? Мне сказали, как они называются, но я тут же забыла. К чему грузить голову ненужными подробностями?

– Ну да, – пробормотала Мариша, – особенно когда нужно сконцентрироваться на главной задаче – возвращении к тебе твоей памяти.

– Вот именно! – просияла Леночка. – Ты поняла?

Мариша кивнула, думая про себя, что Леночка все-таки очень доверчивая особа. Как так? Пить таблетки, даже не зная их названий и тем более не ведая, от чего они?! Конечно, Леночка доверяла людям, давшим ей эти таблетки, но все равно такое отсутствие любопытства для Мариши было странным.

– Вот в этой коробочке лежат белые и голубые, – щебетала тем временем Леночка. – Их нужно принимать по утрам. А вот эти красненькие я пью по вечерам, перед сном, или когда устану.

– Молодец. Но сегодня ты их не пей.

– Не пить? – удивилась Леночка. – Почему?

– Прошу тебя, послушай меня. Не пей!

– Но врач сказал...

– Я знаю. Но попробуй не пить их. Все-таки уже много времени прошло с тех пор, как ты выписалась из больницы. Пора бы и перестать принимать лекарства.

– Нет, я так не могу, – помотала головой Леночка. – И Игорь будет недоволен.

– Разве ты доверяешь тем людям, которые заставляют тебя пить эти лекарства?

– Никто меня не заставляет! Я сама их принимаю!

– А теперь попробуй не пить! Разве стоит пить таблетки, которые тебе дали люди, вчера трижды посоветовавшие тебе заткнуться и убраться куда подальше?

На минуту Леночка заколебалась. Но потом она все же ответила:

– Игорь – он хороший. И мама... Не понимаю, что на них всех нашло... Наверное, они просто очень расстроились по поводу исчезновения Сени. В этом все дело. Они кричали на меня, потому что были растеряны и испуганы. И не знали, как им действовать дальше.

Но при этом рука Леночки сама собой опустилась, так и не донеся таблетки до рта. И Мариша, к своей величайшей радости, поняла, что Леночка одержала первую пусть и маленькую, но все же победу над самой собой, выходя из роли покорной овцы.

– А почему ты носишь лекарства с собой? – спросила Мариша у Леночки, чтобы окончательно убедить ее в правильности сделанного ею выбора. – Зачем ты их таскаешь в сумке?

– Ну, я собиралась сегодня уйти от мужа к своей маме...

– Она же уехала в Клин!

– Но когда-нибудь она вернется. Я даже вещи начала собирать. Вот и кинула эти таблетки машинально в сумку.

Поговорив, девушки почувствовали, что они уже немного передохнули и готовы к новым подвигам. Они дружно продолжили осмотр квартиры Сени. И очень скоро они поняли, что их поиски таки увенчались успехом. Как говорится, терпение и труд – все перетрут.

– Есть! – воскликнула Леночка, выныривая из-под стола с кусочком картона. – За плинтус зацепилась!

– Что? Что это такое?

– Визитка.

– Чья?

– Не знаю. Какой-то автосервис.

– Автосервис? – разочаровалась Мариша. – Твой брат работал в автосервисе?

– Не-ет, – протянула Леночка. – Не думаю. Руки у него всегда были чистые-чистые. И еще маникюр...

Мариша припомнила стильного молодого человека, вылезавшего из сверкающей белой тачки у них во дворе. Сеня! Брат Леночки. Пардон – кузен. Одет он всегда был с иголочки, а на шее неизменно носил платок или шарф, придающий его внешности этакий богемный оттенок. Едва его увидев, Мариша сразу же заподозрила, что у молодого человека имеются проблемы с ориентацией. И к тому же маникюр!

Да уж, рабочий человек, добывающий свой хлеб насущный с помощью своих рук, ни за что не станет обзаводиться маникюром. Потому что все равно это выброшенные на ветер деньги. Сегодня ты маникюр себе сделал, гоголем один вечер походил, а завтра – снова здорово! Грязь под ногтями, заусенцы и содранная кожа. Не говоря уж о том, что среди простых ребят считается зазорным ходить с маникюром. Это дамские штучки, а дамские штучки нравятся только кому?.. Правильно! А настоящие пацаны скорее согласятся умереть, чем перенесут, если их назовут гнилым гомиком.

Но тем не менее визитка автосервиса лежала перед Маришей. И девушка понимала, что никуда теперь не денешься: придется ей ехать в этот сервис и разговаривать там насчет брата Леночки. Показывать его фотографию. Если девушкам повезет, то парня там опознают и... Что будет дальше, Мариша пока что не придумала. Ей казалось достаточно проблематичным даже то, чтобы заставить мастеров из автосервиса вспомнить слащавого молодчика с наманикюренными конечностями и цветастым платком на шее.

– Машина у твоего брата была? – машинально спросила Мариша.

Да, машина была. Мариша ведь только что и сама ее вспомнила. Спортивный «Ягуар». Модель не новая, но все же еще до состояния металлолома не дожившая. Вполне приличная машинка для молодого человека, желающего выпендриться перед девушками или другими ребятами.

– И вот как так получается, что на хлеб у мальчишечки денег нету, а на спортивную машинку нашлись?

– Не знаю, – наморщила лобик Леночка. – А ведь действительно! Мама мне все уши прожужжала, как плохо живет Сенечке, какой он бедный и несчастный сирота. Как он голодает после смерти родителей, как ему денег на квартплату не хватает... А ведь ни разу она не заикнулась, что у Сени есть отличная тачка. Да я и сама могла бы смекнуть, что, раз у него есть машина, с голоду он не пухнет. Продав машину – и мигом решил бы проблему хлеба насущного!

Мариша смотрела на Леночку и определенно любовалась ею. Как Леночка смело рассуждает! Еще неделю назад она слепо боготворила и своего брата, и маму, и мужа. А теперь – посмотрите на нее! Рассуждает и даже осуждает!

* * *

Автосервис оказался запрятан в какое-то полуподвальное помещение. Впрочем, довольно большое, но темное и освещенное только искусственным светом. Тут же находилась и мойка машин, от которой изрядно тянуло сыростью. Да и вообще, подвал был каким-то холодным и страшным.

– Работы у них хватает, – заметила Мариша, оценив забитые боксы и вереницу ожидающих снаружи автомобилей.

– Люди до кризиса машин накупили, теперь хочешь или не хочешь, а ремонтировать своих железных коняшек им надо, – рассудительно ответила Леночка. – В сервис ехать дорого. Вот они и обращаются к кустарям. А те и рады! Есть работа, есть деньги. Никому не отказывают, всех принимают по живой очереди.

Подруги прошлись по всему автосервису, вызывая заинтересованные взгляды мастеров. Все они, за редким исключением, были мужчинами, причем мужчинами молодыми или, во всяком случае, еще не совсем старыми. Мариша даже задумалась на мгновение. А что будет, если снять с них засаленную, пропахшую машинным маслом, красками и бензином одежду, да отмыть хорошенько, да причесать? Ведь получатся из этих ребят вполне подходящие кандидаты на роль женихов!

Мариша задумалась об этом не случайно. В последнее время приток женихов в их брачное агентство слегка уменьшился. То ли это было связано с кризисной ситуацией в стране, то ли вообще женихов с каждым годом становилось все меньше и меньше, но Мариша понимала, что, если ситуация в ближайшее время не изменится, ее агентству может наступить каюк. Большой или маленький, но каюк. Невесты, если им не предлагать женихов, скоро разбегутся по другим фирмам.

Поэтому сейчас Мариша рассматривала этих ребят с точки зрения интеллигентных девушек из хороших семей, которые в подавляющем большинстве и приходили к ней в агентство и составляли ее клиентуру. Конечно, автослесарь – это далеко не подарок для дочки профессора. Но если уж выбирать из двух зол, то говорящий по-русски автослесарь куда лучше гастарбайтера, плохо изъясняющегося на языке Пушкина и имеющего в родной Средней Азии еще одну, а то и двух жен с кучей детишек и прочую родню.

Правда, в своем рабочем виде эти ребята вряд ли привлекли бы внимание дочек профессоров и внучек академиков. Но ведь, если взглянуть под другим углом, не все же академики сразу же родились академиками! Многие из них, если покопаться в их родословных, ведут свой род из совсем простых семей. Из семей пролетариата.

Да и откуда у нас в стране взяться другим корням? Дворянство, купечество и даже средний класс интеллигенции вы#резали в нашей стране еще за первые годы советской власти. Так о чем говорить? Мало кто в России может похвастаться истинно «голубой» кровью. Так и нечего женихов перебирать. Автослесарь ничем не хуже занюханного кандидата наук, у которого все мысли о диссертации, а не о любимой жене.

– Ребята, а вы женаты? – обратилась Мариша к двум наиболее симпатичным паренькам.

Ответ ее утешил. Нет, не женаты. Значит, можно с ними поработать. И Мариша, проходя мимо боксов, начала раздавать мастерам визитки своего агентства. Ребята смутились, ржали, отпускали соленые шуточки, отнекивались, но... но визитки все равно брали и тщательно прятали в карманы. Если хоть один из них дойдет до адресата – до ее бюро, уже будет неплохо.

– Мы тут зачем? – сердито пихнула ее в бок Леночка. – Нам надо расспрашивать про Сеню, а не проводить пиар-акцию твоей компании!

Про Сеню! Да, про бедного Сеню они как раз и забыли. Вернее, Мариша забыла. Стыд и позор! Поставила свое личное во главу их общих интересов. И Мариша, кивнув подруге в знак того, что прекрасно поняла ее, продолжила прерванный Леночкиным тычком разговор с автослесарем:

– Потому что когда человек не женат, а вокруг него все друзья и друзья, то очень скоро можно потерять свою репутацию.

– Чего?! – вытаращились на нее парни. – Чё мы – девки, чтобы нам эту... репутацию портили!

– У девушек одно, у вас – другое, – уклончиво произнесла Мариша.

– Чё это у нас другое? – раздухарились парни.

– А то! Будете ходить в компании друг друга, и пойдет про вас слухок, что вы того...

– Голубые, что ль? – заржали парни. – Не-е-е... Нас с педиками ни за что не спутаешь! Вот ходили к нам двое таких, так издаleка видать было, что они геи! А мы – нет! Мы – нормальные!

– Да? И как же вы их отличали? Геев этих?

– По виду! Одеты чистенько, словно девки. Причесочки, колечки, пальцы в лаке! Прикиньте!

Мариша мимикой разделила их возмущение.

– Гадость какая!

– И говорят между собой, словно бабы! Все хихоньки да хаханьки! Мы их в момент вычислили! У одного шарфик на шее. У другого причесочка вся в лаке и кудряшках!

– И как их звали? – заинтересовалась Мариша.

– А хрен знает!

– Они часто приезжали?

– Несколько раз были. Один раз по ходовой что-то ремонтировали. А в остальные дни тачку мыли. Тачка у них пижонская – «Ягуар». Вот они и надраивали ее, чтобы пыль в глаза пустить.

– Новая машина?

– Не-а. Лет десять ей уже будет. Но не больше. И состояние хорошее. Видно, что хозяин в нее бабло втюхивать не жалеет.

– А цвет какой?

– Тоже пижонский. Белый.

Мариша покосилась на Леночку. Белый «Ягуар» она и сама несколько раз наблюдала во дворе их дома. Значит, все верно! В этом сервисе хорошо знают и Сеню, и его дружка. Они тут частенько бывали. У кого бы еще спросить про них?

– А одного из этих голубков случайно не Сеней звали?

– Мы не прислушивались, как они там друг друга называли, – отмахнулся мастер.

– Кто бы мог нам помочь? С кем они чаще других общались?

– В мойку тогда идите, – отозвался парень. – К нам эти двое только однажды приезжали. А потом все больше в мойку наведывались. У них там что-то вроде комнаты отдыха есть. И в ней мини-бар. Так там кофе варит Димка. Он свой пацан, но на девку шибко похож. Мелкий, тощенький. И ресницы, как у девчонки. И глаза огромные. Красавчик, одним словом! Так эти двое к нашему Димке каждый раз подваливали. Говорили, что только ради него одного на эту задрипанную мойку и ездят.

– И он с ними тусовался?

– Кто? Димон?! Да вы чё! – обиделись ребята. – Он же наш! Свой! Нечего ему с этой педерастней делать!

И, несмотря на их яростные вопли, девушки все же направились в сторону мойки и царствующего там бармена Димона. Парень и правда – не соврали мастера – внешне казался типичной девчонкой. Даже короткие, подстриженные ежиком волосы и нарочито грубый мужской прикид дела не спасали. Хорошенькое личико было до удивления по-женски миловидным. Да еще и губы у юноши были пухлыми и влажными, так и казалось, что он намазал их блеском для губ.

– Дима? – обратилась к нему Мариша.

– Да. Я. Чем могу помочь?

– У нас есть к вам разговор. Среди ваших клиентов есть двое друзей вполне определенного сорта. Они подкатывали к вам с предложением любви и дружбы. Помните их?

Лицо бармена приняло странное выражение. Кажется, ему очень захотелось швырнуть в Маришу тяжелой пивной кружкой, но он все же сдерживался из последних сил и очень страдал из-за этой своей выдержки.

– Что? Помните?

– Да. Приезжали несколько раз сюда, кретины!

– Вам они не понравились?

Пожалуй, «не понравились» было не совсем тем словом, потому что лицо бармена искажилось от ярости. И он перестал сдерживаться.

– Понравились! – выдохнул он и с грохотом хлопнул пивной кружкой о столешницу, так что девушки даже подпрыгнули от неожиданности. – Да если бы не эта работа, за которую я держусь, потому что в кредитах по уши, я бы уже давно этим двоим рыла их свинные начистил бы! Я уже и к хозяину ходил, упрасивал, чтобы за меня кто-то другой тут постоял, когда эти двое подвоят в очередной раз, да все без толку! Хозяин меня и слушать не захотел. Поржал, осел, над моими проблемами, и только. Вся его помощь! Так бы и врезал ему по роже! Тоже козел, вроде тех двух.

– Значит, они вас долго доставали своими ухаживаниями?

– Еще бы! Месяца два приезжали. А потом внезапно перестали!

– И давно перестали?

– Да уж дня три не появляются.

– А до этого каждый день приезжали?

– А то! Машину же, чтобы она хорошо выглядела, нужно как минимум один раз в день мыть. А если погода плохая, то и чаще.

Мариша слушала и понимала, что она чего-то... не понимает. О чем идет речь? Есть люди, которые согласны мыть свою машину чаще тридцати одного раза в месяц? Этот парень что, кретин, если так спокойно об этом говорит? Или все мужики немного того... с антенками?

– Ну, допустим, приезжали они сюда каждый день. И о чем они разговаривали?

– Да хрень все какую-то несли! – пожал плечами Димон и впервые с начала разговора насторожился: – А вам зачем?

– Мы не просто так спрашиваем. Эти сведения нам нужны... Для расследования убийства они нужны.

– Для... для чего?! – вытаращил глаза Дима.

– Для расследования убийства.

– А кого убили-то?

– Одного из этих молодых людей, липнувших к вам.

– Ну!.. Е!.. И кого убили? Сеньку или Антона?

Вот и выяснилось имя Сениного дружка! Антон! Антошка! Антошка-Антошка, пошли копать картошку! Только не картошку эти двое копали, а кое-чем поинтереснее занимались. Мыть машину по два раза в день – это же какие деньжищи за месяц набегают! Разориться недолго! А эти двое отдавали эти деньги и ухом не вели. Значит, денег у них было много. Так

много, что они и счету им не вели! Тратили себе на свой кайф, не заботясь о завтрашнем дне и явно не сомневаясь, что и завтра денег у них будет много и тратить их они смогут легко и просто.

– Чем же они занимались? – против ее желания, вырвалось у Мариши вслух.

Она не рассчитывала на ответ, но Димон ее внезапно порадовал:

– А я вам скажу! Артисты они!

– Вот как? Поют? Дуэт?

– Нет.

– На эстраде выступают?

– Нет. Да вы слушайте, не перебивайте, я сам все расскажу! У нас тут неподалеку театрик один есть. Даже не театр, а балаган какой-то. Мимо их афиши мой дед никогда не проходит, чтобы на нее не плюнуть. И я его за это не осуждаю, потому как – срамота! Не театр, а притон для всяких уродов. Так там эти двое и ошивались. Говорили, что они актеры. Но какие из них, на хрен, актеры! Педрилы долбанные! Не знаю, почему их там держали, наверное, и остальная труппа была не лучше.

– Дима, а у тебя в руках – это что? Пивная кружка? У вас торгуют разливным пивом?

– Не пивная это вовсе, – надулся парень. – Кислородный коктейль из свежих соков с добавлением взбитых сливок мы в них подаем. Хотите, и вам смешаю? Очень классная штука! Витаминов в коктейле полным-полно. И калорий, чтобы подкрепиться, тоже.

Но от коктейля Мариша отказалась. Ее смущало сочетание свежего и наверняка кислого сока и таких же свежих взбитых сливок. Ведь если разобраться, то что такое сливки? Это просто очень жирное молоко – сливки. Скиная, они превращаются в сметану, это всем известно. И что же выходит – ей предлагают хлебать сметану пополам с соком? Спасибо большое!

* * *

Следующим пунктом на пути следования подруг был «срамной» театрик, как его окрестил бармен Дима. Едва подойдя к вывешенной перед театром афишей, Мариша поняла, почему его так окрестили. Все актеры на плакате были голыми. И их причиндалы закрывали разные и, по большей части, совершенно для этого не подходящие вещички.

У одного, стоящего на четвереньках, на попе красовался старинный чугунный утюг. Другой прикрывал свой срам пышным букетом гладиолусов в нарядной серебристой обертке. Девушки, которые тоже на афише имелись, закрывались косметичками, корзинками с маргаритками и даже самими маргаритками. А одна – наиболее стыдливая – спряталась за огромным эмалированным тазом, из-за которого торчала только ее голова и длинные руки и ноги.

– Фотомонтаж или они реально так фотографировались? – задумалась Леночка.

– Тебе нравится? – спросила Мариша.

– Сени тут нет.

Сени на театральной афише действительно не было. Разве что чья-то голая задница, выглядывающая из-за декоративной пальмы, могла условно считаться принадлежащей Сене.

– В принципе запоминается, – авторитетно произнесла Леночка, разглядывая афишу. – Такое представление уж точно ни с одним другим не спутаешь!

– Экспериментальный театр природной сущности человека, – прочитала Мариша. – Фу, как длинно и скучно!

– Спектакль «Розы и Мимозы».

– Интересно, они и на сцене выступают вот так же... с тапками и цветочками? Или там они предстают перед зрителями... м-м-м... во всей красе?

Но найти ответ на этот вопрос подруги не смогли. Театр был закрыт.

– Гастроли у нас, – пояснила пожилая вахтерша на входе. – В город Нижний Новгород уехали все.

Подругам оставалось только посочувствовать актерам, которых их, видимо, полубезумный режиссер отправил на гастроли в глубинку. Ведь у нас в российской глубинке все как? Там у нас народ до сих пор простой и к театральным изыскам особо не приученный. Как бы не разгромили они театральный реквизит да не набили бы актерам их смазливые мордашки!

– А актеры? Кто-нибудь из них остался в городе?

– Все уехали.

– Когда?

– Намедни и уехали. Третьего дня.

– А Сеня? – воскликнула Мариша, совершенно позабывшись.

Но вахтерша неожиданно заулыбалась и кивнула головой:

– И Сенечка тоже. Говорю же, все уехали.

Это было очень интересно! Куда же уехал Сенечка? И почему он ни словом не обмолвился о своих гастролях родным, заставив их так переживать?

– И Сенечка, и дружочек его – Антошка, все они уехали на гастроли, – монотонно бубнила вахтерша, явно не собираясь критиковать такого сорта отношения между молодыми людьми.

А вот интересно, родня Леночки знала о том, что в их семье завелся гей?

– Не думаю, – покачала головой Леночка, когда Мариша задала ей этот вопрос. – Игорь, например, резко отрицательно относится к голубым. Он бы Сеню на порог к нам не пустил.

– Значит, Игорь не в курсе. А про этот театр он знает?

Леночка молча пожала плечами.

– Звони! – велела ей Мариша. – Звони и узнавай!

Игорь трубку снял лишь с третьего раза. Но побеседовать с женой он не захотел.

– Уйди, зараза! – заорал он в трубку. – Без тебя проблем выше крыши. Скройся!

И бросил трубку. Леночка удивилась, решила, что муж разговаривал не с ней, и перезвонила еще раз. Во второй раз муж пообщался с ней более приветливым образом, но все же не скрывая своего недовольствия.

– Зря позвонила! Занят я, очень сильно. Домой приду, тогда поговорим! – выпалил он скороговоркой.

И, услышав, что жена все равно пытается что-то ему сказать, заорал:

– Сказал же уже, занят! Чего ты вяжешься?!

– Игорь! Игорь! – надрывалась Леночка. – Послушай меня, ты знал, что Сеня играет в театре с голубыми?

– Чего?! Какой еще театр, дура? – окончательно вызверился на нее Игорь. – Сиди дома с детьми. Денег на няньку у меня скоро не будет. Без театра обойдешься!

И опять шваркнул трубку. Послушав несколько секунд короткие гудки, Леночка растерянно взглянула на Маришу:

– Что это с ним? Никогда он не позволял себе таких грубостей!

– Видимо, что-то случилось. И что-то очень серьезное!

– Что могло случиться? – заплакала Леночка. – Он меня разлюбил? У него появилась другая?

Ну вот, пожалуйста! Почему женщины всегда думают в первую очередь о самом плохом? Ведь могли же быть у мужика неприятности на работе. У него мог страшно разболеться зуб. В конце концов, Игорь просто элементарно мог проголодаться. А многие душевные и мирные (в сытом состоянии) мужики, оголодав, способны растерзать всех вокруг себя.

– Нет, мой Игорь не такой, – плакала Леночка. – Он всегда приходил по вечерам с цветами. Не забывал меня поцеловать! И потом до самого вечера оказывал мне знаки внимания.

– Наверное, он и ночью развлекал тебя, как мог, – предположила Мариша, но Леночка в ответ отрицательно помотала головой:

– Нет. Ночью Игорь был не со мной.

– Нет? Как это – нет?!

– Мы с ним не занимаемся любовью, – покраснела Леночка. – Спим на разных кроватях.

– Но почему?

– Мне врачи не разрешают. Говорят, что это может повредить моему состоянию.

– Секс повредит твоему здоровью?! – изумилась еще больше Мариша. – Да он же только лечит! Лично у меня все болячки проходят, стоит моему Смайлу...

Тут она тоже слегка зарумянилась и решила не болтать понапрасну. У Ленки, вон, вообще секса уже сколько времени не было. Позавидует еще! Потому что Смайл, если честно, хотя цветов и не дарил ей уже давно, но долг свой супружеский выполнял исправно, никогда от этого занятия не отлынивал и всегда выказывал похвальное рвение к нему. За это Мариша его и любила, и прощала ему все прочие его недостатки.

– Ладно, с мужем твоим и с его дурным настроением мы потом разберемся. А сейчас нам нужно узнать адрес этого Сениного приятеля – Антошки.

– Зачем? Ты хочешь к нему наведаться в гости? Но он же уехал! На гастроли!

– Так же, как и Сенечка? Мертвым?

– Ой! Почему мертвым?!

– Потому что в твоей истории все весьма запутанно, – произнесла Мариша. – И то, что случилось с Сеней, мне совершенно непонятно. До мамы ты дозвониться можешь?

– Нет. Она вне зоны досягаемости сети.

– Жаль. У нее тоже стоило бы спросить насчет этого театра.

На всякий случай Леночка позвонила еще своей свекрови. И сказала, что у нее появились проблески памяти. И ей эта самая память подсказывает, что ее брат Сеня работал в каком-то театре. Свекровь выслушала Леночку довольно внимательно. А потом вежливо посоветовала ей не забивать свою больную голову такими вещами.

– Братик твой о своей работе никогда не распространялся. Но мне казалось, что он учится. И твоя мама говорила, что он студент. Так что театральные подмостки – это всего лишь твои фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.